

—♦ МИКИТЮК МИХАИЛ ♦—

СОВЕРШЕНИЕ

Михаил Микитюк

Совершенство

«Автор»

2026

Микитюк М.

Совершение / М. Микитюк — «Автор», 2026

Город, где никогда не восходит солнце. Проклятие, что погружает людей в вечный сон. И человек, способный проникать в чужие кошмары, чтобы сразиться с тьмой. Амбулас Интенегри, наследник великого рода и мастер забытого обряда «Совершение», приезжает в захолустный Лучезарный по просьбе губернатора. Здесь он столкнётся с силой, древней, как сам этот мир. Чтобы спасти спящий город, ему придётся пройти через чужие страхи, разгадать тайны, и заглянуть в бездну, которая, возможно, уже смотрит на него. История о страхе и смелости, о тьме и свете, о одиноких сердцах, что бьются в унисон. «Совершение» — первый роман цикла о мире, где магия и технология сплелись воедино, а граница между сном и явью тоньше лезвия.

© Микитюк М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Любой истории положено начало	5
Глава 2. Под кровавым небом, под раскаты грома	12
Глава 3. Минувшие дни. Затмение	23
Глава 4. Новое	30
Глава 5. Откровения. Часть 1	37
Глава 6. Откровения. Часть 2	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Михаил Микитюк

Совершенство

Глава 1. Любой истории положено начало

Бывает такое чувство: ты долго, мучительно ищешь ответ — и когда наконец находишь, легче не становится. Наоборот: истина ложится на плечи дополнительной тяжестью, и ты вдруг понимаешь, что прежнее неведение было почти благословением.

Амбулас знал, что приближается к развязке. Слишком много сил ушло на эту дорогу: он погружался в чужие кошмары, пропускал через себя чужую боль, сражался с порождениями тьмы, которые яростно терзали души людей. Он видел их сны наяву и прочувствовал этот ужас собственной кожей. И теперь, в конце пути, ему предстояло встретиться с источником. С самым ликом тлена — тем злом, что обрекло невинных на медленное угасание. Только так можно было поставить точку.

И оно смотрело на него. Смотрело в самую душу — пристально, не мигая. И в голове Амбуласа, помимо воли, снова зазвучали те самые строки — старые, пришедшие будто из ниоткуда, но теперь обретшие пугающий смысл:

«Не мёртв я был, и жив я не был тоже;

А рассудить ты можешь и один:

и тем, ни этим быть — с чем это схоже?»

Лучезарный — город на окраине Колкого леса, на берегу Глухого моря. Своё звучное название этот захудалый городишко получил вовсе не из-за погоды, а благодаря причудливой планировке. Улица здесь была всего одна, и служила она сердцем поселения — иначе говоря, ядром. Круглая площадь, вымощенная жёлтым кирпичом, который за долгие годы затёрся и посерел. В центре площади стоял фонтан: босоногий мальчик на коленях обнимал маленькое солнце. Больше ничего на площади не было.

От ядра расходились восемь лучей. Шесть из них представляли собой ряды домов, выстроенных по единому плану. Каждый луч — три или четыре двухэтажных здания, поставленных вплотную друг к другу. Строили их из древесины колкого дерева — того самого, из которого, собственно, и состоял лес. На первом этаже любого дома располагались холл, кухня и две уборные, на втором — семь комнат. Номер комнаты соответствовал числу кроватей, что в ней находились. Над каждой кроватью висела дощечка в форме солнца с одной и той же надписью: «И не будут хмурыми ваши сны».

Главным лучом служил Губернаторский дом — единственное здание, целиком выполненное из мрамора. Над крыльцом висел герб городка: всё то же солнце в руках босоногого мальчика. Само строение ничего особенного собой не представляло: обыкновенная одноэтажная коробка с несколькими колоннами, подпирающими крышу, да широкая чёрная дверь с ковриком у входа. Выделялась разве что синяя остроконечная крыша — и окна с синими рамами, открывавшие обширный вид на площадь и на въезд в город. Этот въезд и был последним, восьмым лучом. Он упирался в развилку: правая дорога выводила прочь из Лучезарного, левая делала полукруг и возвращалась обратно на ту же колею.

Местные жители называли Лучезарный не иначе как «Город небылиц». Во-первых, вопреки солнечному названию, над площадью с самого дня её закладки нависло хмурое небо. Летом и осенью оно казалось серым, зимой и весной — мутно-синим. Дождь шёл редко, но глобальный дефицит солнца породил другую беду: сырость и плесень. Горожане вечно ходили

с мокрыми носами. По личному распоряжению Губернатора каждому жителю на неделю безвозмездно выдавали семь платков. К концу дня использованные платки следовало сдавать в плетёную корзину у подножия крыльца; к началу новой недели в корзине уже лежали чистые.

Во-вторых, никто не имел ни малейшего представления, на какие средства город вообще существует. В Лучезарном царила безработица. Это оставалось загадкой. Одни говорили, будто у Губернатора безграничные запасы золота, другие уверяли, что он нанимает охотников, те ловят единорогов, сцеживают молоко и продают за пределы города. Но дальше слухов дело не шло.

Каждое утро в город въезжала карета с припасами на день. Чаще всего — хлеб двух сортов, вода, мешочек картофеля, скудный выбор овощей; рыба появлялась редко. Поэтому почти все жители Лучезарного поневоле были вегетарианцами.

Особенно ценились книги. Только они и служили развлечением, а заодно — редким поводом хоть что-нибудь обсудить друг с другом. Но со временем каждый прочёл всё, до чего сумел дотянуться, и поводы для разговоров иссякли.

Имелась в Лучезарном и школа — небольшое одноэтажное здание в третьем луче, которое отапливали хуже прочих, отчего дети с сентября по май сидели на уроках в верхней одежде. Учителей было двое: пожилая вдова бывшего счетовода, преподававшая чтение, письмо и арифметику, и отставной солдат, который вёл что-то вроде географии с историей — то есть рассказывал всё, что помнил из своих походов, щедро приправляя факты выдумками. Образование в Лучезарном считалось делом сугубо добровольным: хочешь — ходи, не хочешь — никто не заставит. Большинство родителей отправляли детей в школу лишь затем, чтобы те не путались под ногами в бесконечно долгие дни. Чему-то они, впрочем, всё же учились — по крайней мере, читать и считать умел почти каждый. А большего в Лучезарном и не требовалось.

Лишь один-единственный день в году заставлял горожан выбраться из домов и собраться на площади. Лишь в этот день над Лучезарным сияло солнце. Торжественный праздник — День Восхода. На площади играла музыка, развешивали флажки и чистые плакаты: каждый желающий мог нарисовать на них солнышко. После праздника плакаты сжигали. В День Восхода в город завозили эль или ром, детям — содовую. Вокруг фонтана полукругом расставляли столы с угощениями; больше всего ребятам любила мармелад и шоколадные яйца.

На празднике существовала одна любопытная игра. Жители делились на две команды. Первая становилась в круг и, крепко взявшись за руки, плотно прижималась друг к другу — это был солнечный свет. Их задача — держать оборону. Вторая команда старалась прорваться внутрь круга — они изображали тучи. Раунд длился минуту. Побеждал тот, кто выполнял задачу.

Сами же обитатели Лучезарного — люди, которые одновременно и радуются, и печалятся от одного и того же факта. Все безработны, и это их забавляло. Но та же причина их и угнетала: им попросту нечем заняться. Многие читали, кто-то воспитывал детей, играл с ними. Старики вязали, вышивали, писали мемуары. Всякому это приедалось, но от безысходности все продолжали делать одно и то же изо дня в день. Любой разумный горожанин хоть раз да задумывался: «Почему бы не заняться чем-то полезным? Земледелием, строительством?» Но никто так и не осмелился воплотить эти мысли в жизнь.

Было одно исключение — бабушка Лоис. В семьдесят пять лет с хвостиком она первой отважилась нарушить однообразие. Однажды выбралась из своей комнаты под номером два, обошла город, насобираала палочек, оградила ими крохотный участок земли и рассеяла немного зёрнышек. Через неделю бабушка Лоис умерла, а в её саду выросли сорняки.

Если взглянуть на жителей с точки зрения социологии, их общество можно назвать диким. Не по поведению, а по отчуждённости. Все сидели запершись — поодиночке или семьями. При встрече здоровались, но редко кто останавливался перебраться новостями.

Дети ещё могли часок-другой порезвиться в холле, старики — сыграть партию в шахматы, но не более.

Именно поэтому Лучезарный казался пустынным и хмурым: на улицах тишина, площадь пуста. Народ собирался лишь при прибытии повозки с продуктами или в День Восхода. В остальное время — глушь.

Следует сказать несколько слов о Губернаторе. Прэсез Урбэм — в дальнейшем будем звать его либо Губернатором, либо господином Урбэмом.

Сын управляющего прибыльным трактиром, он с детства впитывал науку менеджмента — наблюдал, как отец ведёт дела, как договаривается с поставщиками, как угождает гостям. К семнадцати годам юный Урбэм уже управлял пятью заведениями в трёх городах. В тридцать его поставили мэром в прибрежном городишке, а к тридцати семи предложили воздвигнуть собственный город — с нуля, на голой земле. В те годы он искренне верил, что это дело приведёт его к свету. Землю выделили далеко от цивилизации, но Урбэм видел в этом плюс: город расстроится, охватит огромную территорию и со временем станет центром высокотехнологичного мира. Он дал ему солнечное название, и оно же легло в основу планировки — восемь лучей, расходящихся от круглой площади. Всё это делалось с надеждой на большое будущее.

Но солнце скрылось за тучами — и в прямом, и в переносном смысле. Проект не взлетел. Инвесторы отвернулись. Дороги размыло, строительство затормозилось, а потом и вовсе встало. Урбэм остался один — в мрачном городишке, который медленно, но верно зарастал плесенью. Он растолстел, разжирел, надежды растерял. Однако неудачником себя не считал. Он — хозяин города. Пусть население не растёт, но хотя бы держится на одном уровне. Да, горожане не блещут радостью, но и не жалуются. Есть крыша над головой, еда на столе, тёплый очаг. Чего ещё желать? Такова была политика Урбэма — политика сытого болота.

Но судьба распорядилась иначе, и на сонный городок свалилась напасть. Проклятье.

Началось всё в тот день, когда в Лучезарный въехали сразу две кареты. Первая — привычная, крытая выцветшим брезентом, доверху набитая мешками с мукой, корзинами овощей и бидонами с козьим молоком, — её ждали. Вторая — лакированная, с посеребрёнными ручками дверей, — вызвала недоумение. Таких в Лучезарном видели через чур редко.

Народ уже обступил повозку с продуктами, когда дверца второй кареты распахнулась, и на мокрую брусчатку площади ступил молодой человек. Высокий — на голову выше любого из собравшихся. Он не спеша выпрямился, расправил плечи и огляделся — так, будто приехал не в захудалый городишко на краю света, а в столичный особняк.

Одет он был с той неброской, но безупречной элегантностью, какая выдаёт в человеке достаток и воспитание, но не выставляет их напоказ. Длинное шерстяное пальто — чёрное, почти до колен, с рядом посеребрённых пуговиц, тускло блеснувших в сером свете, — подчёркивало его стройность. Из-под пальто выглядывал серый вязаный шарф, небрежно, но уютно обмотанный вокруг шеи. Под пальто — простая тёмная рубаша и жилет; зауженные тёмно-серые брюки, старательно начищенные чёрные туфли, тонкие кожаные перчатки на руках. Ни одной лишней детали, ни одной складки — всё сидело как влитое.

Лицо — длинное, худое, с широкими скулами и заострённым прямым носом. Большие синие глаза смотрели на толпу с холодной пристальностью, в них не было ни страха, ни растерянности, ни любопытства — только сосредоточенность. Умеренно пухлые губы тронула спокойная, едва заметная улыбка — и в ней читалась уверенность человека, который точно знает, зачем он здесь. Волосы, чёрные, как беззвёздная ночь, были стянуты в короткий хвост, открывая высокий лоб и твёрдую линию челюсти.

Он постоял, огляделся. Толпа замерла. Никто за столь долгое время не приезжал в Лучезарный отдельной каретой. На минуту воцарилась тишина — только ветер гудел в водосточных трубах да капли дождя барабанили по брезенту продуктовой повозки.

Первым её нарушил сам приезжий:

— Амбулас Интенегри! Ударение на второй слог! — произнёс он громко, с расстановкой, выговаривая каждое слово с педантичной чёткостью. — Я прибыл по поручению вашего Губернатора. Где я могу его найти?

В толпе зашумели. Кто-то выкрикнул: «Такого у нас нет!», кто-то засмеялся. Но тут люди начали расступаться, и сквозь образовавшийся проход, придерживая съезжающую набок бабочку, выбежал полный мужчина в сером смокинге.

— Я! Господин Интенегри! Я — Губернатор! — воскликнул он, проглатывая от одышки слоги. — Прошу простить за задержку, не успел к прибытию, дела, знаете ли, бумаги, отчёты...

— Ударение на второй слог, — поправил гость. — ИнтЕнегри. Итак, я прибыл в тот самый Лучезарный? Не ошибся?

— Всё верно, всё верно! — Урбэм попытался забрать чемодан, но гость держал багаж крепко. — Дорога вас не утомила? Не желаете ли малинового чаю? У меня как раз есть варенье — пальчики оближешь, жена покойного булочника варила...

— Ближе к делу, Губернатор. Мне нельзя задерживаться. Кстати, как вас по имени?

— Урбэм. Прэсез Урбэм. — Он слегка улыбнулся и отчего-то добавил: — Ударение на первый слог.

Гость ответил холодным взглядом. Улыбка сползла с лица Губернатора.

— Что ж, пойдёмте, — засуетился он. — Нечего под дождём мокнуть. Прошу за мной.

Они подошли к двери мраморного здания. Урбэм приоткрыл её и пропустил Амбуласа вперёд, а сам, прежде чем войти, обернулся и хриплым голосом прикрикнул на толпу, которая всё ещё не желала расходиться:

— А ну разбежались по делам! Нечего тут! Площадь протираете! Представление окончено!

Жители пожали плечами, зашевелились и вскоре скрылись по домам. Дел на улице у них и правда больше не было.

Внутри, в главном кабинете, вдоль стен высились шкафы — старые, тёмного дерева, с резными карнизами и стеклянными дверцами, до отказа забитые книгами. Книги были повсюду: не только на полках, но и на подоконнике, на полу, стопками на стульях. Пахло пылью, бумагой, воском и чем-то терпким — не то трубочным табаком, не то сушёными травами. Посреди комнаты стоял массивный дубовый стол, заваленный бумагами, картами, журналами; тут же ютились бронзовая чернильница в форме льва и печатка-ножичек. Над столом висела карта

города — пожелтевшая, с загнутыми углами, исчерченная пометками, смысл которых, вероятно, понимал только сам хозяин.

У дальней стены, напротив входа, возвышался камин из белого камня — единственная по-настоящему дорогая вещь в этом кабинете. Сейчас в нём лениво догорали несколько поленьев, отбрасывая на стены дрожащие оранжевые отсветы. Перед камином, на вытертом до блеска ковре, стояли два дубовых кресла с красной вельветовой обшивкой. Чуть поодаль, у стены, притулился старый, выдавший виды диван — длинный, обтянутый потёртой коричневой кожей, с просевшими пружинами и парой подушек, на которых ещё виднелись следы чьей-то головы. Урбэм частенько дремал на нём после затянувшихся бумажных дел, а то и вовсе оставался на ночь, когда идти домой было лень. В одно из кресел Губернатор и усадил гостя, сам же остался стоять — то ли из вежливости, то ли от нервного возбуждения, не позволявшего усидеть на месте.

— Видите ли, господин Интенегри... — начал он, нервно перебирая пальцами. — Я приглашал четверых. Лучших врачей. Они, несмотря на расстояние, не поленились приехать. Я щедро заплатил за дорогу, предоставил жильё, кормил их — всё как полагается.

— И?

— И ничего! — Урбэм всплеснул руками. — Сначала я думал — лихорадка. Простая, сезонная. Ну, бывает: люди кашляют, температурят, лежат пластом. Но здесь... Здесь другое. Никто из них не смог поставить диагноз. Понимаете? Ни один! Четыре врача — и ни одного диагноза! Один, самый молодой, всё твердил про «каталепсию» и «нервное истощение». Другой прописал травяные припарки. Третий и вовсе руками развёл — сказал, такое только в учебниках по психиатрии описывают, да и то в главе про массовые галлюцинации. А четвёртый... — Урбэм перешёл на шёпот, — четвёртый, когда убедился, что помочь не в силах, отвёл меня в сторону и сказал: «Обратитесь к господину Интенегри. Только он сможет». И я немедленно написал письмо. Тем же вечером.

Всё это время Губернатор стоял у камина, не сводя глаз с гостя. Амбулас же смотрел на утасаживающее пламя.

— Ах, чудеса! — продолжал Урбэм, вновь оживляясь. — Вы прибыли так скоро! Я думал, письмо идёт неделю, потом ещё неделю вы будете собираться... А вы — раз! — и уже здесь. Но, увы, пока я ждал, мы уже свезли на кладбище троих. Троих, господин Интенегри. Двух стариков и одну молодую женщину.

— Симптомы, — медленно, почти не разжимая губ, произнёс Амбулас.

— Что, простите?

— Симптомы, — повторил он, впервые оторвав взгляд от огня и посмотрев прямо на Губернатора. — Какие именно.

— А! Симптомы... Сейчас, погодите. — Урбэм подбежал к столу посреди комнаты, выдвинул тумбу и достал аккуратно сложенный листок. — Вот, один из врачей оставил записи. Велел передать тому, кто возьмётся за лечение. Я, признаться, сам чуть не поседел, пока читал.

Он протянул листок гостю. Амбулас развернул его и пробежал глазами по строчкам. Почерк был нервный, торопливый — врач явно писал в растерянности, если не в страхе:

«Дыхание заглушенное, едва уловимое — будто пациент дышит сквозь толщу воды. Частота сердцебиения ниже нормы почти вдвое, однако ритм ровный, что исключает сердечную патологию. Зрачки полностью покрыли радужку — глаза кажутся абсолютно чёрными, реакция на свет отсутствует. Температура больных держится в пределах тридцати семи — тридцати восьми градусов, но жара нет, тело холодное на ощупь, как у человека, прошедшего ночь на морозе. Состояние схоже на кому, однако комой не является: мозг активен, более того — активность неравномерна, хаотична, словно пациент видит сны наяву. Природа заболевания не установлена. Медицина здесь бессильна. Ищите знахарей, травников, кого угодно — только не врачей».

Внизу — подпись, размашистая, с кляксой, будто перо выпало из рук.

Амбулас тяжело вздохнул, свернул листок и убрал во внутренний карман пальто. Положил руки на колени и замер, глядя перед собой. Это молчание продлилось не больше трёх минут. Губернатор не посмел его нарушить.

— Сколько больных? — резко спросил Амбулас, поднимаясь с кресла и впиваясь взглядом в Урбэма.

— На данный момент — четверо, господин Интенегри. — Губернатор шагнул к нему, заламывая руки. — Вы ведь уже предположили? Да? Вы поняли, что это? Только не говорите, что не знаете! Прошу вас! Я заплачу любые деньги, я...

— Нельзя медлить. — Гость взял чемодан. — Ведите меня сейчас же в дом к первому больному. И захватите журнал. Будете записывать за мной каждое слово и каждое действие. На счету каждая минута. Идёмте.

— Да-да, конечно, сию минуту! — Урбэм заметался по кабинету, хватая то журнал, то чернильницу, то какую-то папку. — Журнал... журнал... А, вот он! Чернила! Где мои чернила? А, вот. Перо. Так, я готов. Ведите! То есть... я веду. Сюда, прошу за мной.

Он распахнул дверь и, пропуская гостя вперёд, нервно хихикнул:

— Знаете, господин Интенегри, когда я закладывал этот город, я и представить не мог, что однажды мне придётся умолять незнакомца спасти моих людей от проклятья. А вот ведь как вышло. Странная штука — жизнь.

Глава 2. Под кровавым небом, под раскаты грома

Над городом нависла тяжёлая, взбухшая туча — из тех, что собираются часами, а потом разом обрушивают на землю всю скопившуюся влагу. Первые капли ударили по крышам робко, словно пробуя черепицу на вкус, но уже через мгновение хлынул ливень — сплошной стеной, колючей, неумолимой. Вода забарабанила по стёклам с такой силой, что задребезжали рамы, застучала по крышам, закрипела калитка под резкими порывами ветра. Дождь то усиливался, захлёстывая улицы ледяными потоками, то вдруг стихал до редкой мороси, то и вовсе замолкал на несколько секунд — чтобы с новой яростью обрушиться на город.

По мокрым, блестящим в тусклом свете фонарей улицам торопливо шагали двое. Тот, что покрупнее, то и дело спотыкался на скользкой брусчатке, неуклюже взмахивал руками, хватался за шляпу и тихо, но с чувством бранился себе под нос. Второй двигался бесшумно, держась почти вплотную к теням, — высокий, собранный, с холодным, ничего не выражающим лицом. Казалось, сама стихия обтекает его стороной: плащ на нём был тёмный, как сажа, и дождь скатывался с него крупными каплями, не оставляя следа.

— Ну и погодка, — пропыхтел Урбэм, перепрыгивая лужу и едва не растянувшись на мостовой. — Вы как, господин Интенегри, держитесь? Я тут, признаться, уже промок до нитки. У вас там, в столице, такая же мерзость творится или только нас, грешных, поливает?

Амбулас не ответил. Он шёл, не сбавляя шага, лишь чуть приподнял воротник пальто.

Нужный дом стоял во второй ветви справа, самый первый — ничем не примечательный, такой же серый и приземистый, как и все остальные. Дверь, поддавшись с протяжным скрипом, звякнула колокольчиком, и оба вошли внутрь.

Комната, вмещавшая и прихожую, и кухню, оказалась низкой, пустой, без перегородок. Света здесь почти не было — только одинокая свеча на столе то уныло вспыхивала, то почти угасала, заставляя тени по углам то сжиматься, то расти, то корчиться в безмолвной пляске. На ближней стене сиротливо висела изорванная куртка, в углу валялась груда тряпья, возле тёмного зева давно не топленного камина громоздились два больших горшка. Пахло сыростью, плесенью и чем-то кисловатым — не то прокисшим молоком, не то застарелой болезнью. Внутри дом казался ещё печальнее, чем снаружи.

— Хозяева! — прохрипел Урбэм, отдуваясь и отирая мокрое лицо мятым платком. — Есть кто живой? Принимайте гостей!

Наверху закрипел пол — протяжно, жалобно, — и через минуту по лестнице, держась за перила, спустилась взрослая женщина. Амбулас сразу обратил внимание на её глаза — большие, блестящие, с такими глубокими синяками, будто она не спала целую вечность. Женщина была чересчур худа, вены на руках вздувались жгутами, волосы, давно не знавшие гребня, висели спутанными белоснежными прядями. Во взгляде её смешивались две крайности: беспредельное, иссушающее горе и робкая, едва забрезжившая надежда — та самая, что заставляет людей хвататься за соломинку.

— Амбулас Интенегри, — коротко представился молодой человек, чуть склонив голову.

— Иззи Темингол, — пролепетала она, ломая пальцы. Голос её был тих и надтреснут, как осенний лёд. — Вы пришли помочь? Вы тот самый господин, что приехал утром? Мне говорили... мне говорили, что вы можете. Не зря мне сегодня приснился этот сон... Я видела вас! Вы стояли на площади, и вокруг вас был свет. Солнечный свет. Вы спасёте её? Спасёте мою доченьку? Она увядает... — Голос её сорвался на всхлип. — Она заболела восемь дней назад. Слегла вечером — просто от усталости, я думала, отоспится — и больше не разомкнула очей. Неделю и день! Вы понимаете? Неделю и день она лежит, не шевелится, не говорит, только дышит едва-едва...

— Так, седая, хорош причитать! — гаркнул Урбэм, хотя в его голосе сквозила скорее неловкость, чем настоящая грубость. — Слезами горю не поможешь. Веди давай, показывай.

Поднялись наверх по узкой лестнице, ступени которой жалобно поскрипывали под каждым шагом. Дверь комнаты под номером один отворилась, и взорам предстала кровать — простая, деревянная, с выпцветшим покрывалом. На ней лежала молодая белокурая девушка лет семнадцати-восемнадцати. Длинные светлые волосы разметались по подушке, кожа была тусклой, почти серой — цвета речного тумана. Губы посерели, потрескались. С первого взгляда трудно было сказать, жива ли она ещё, но слабое дыхание, едва приподнимавшее грудь, всё же угадывалось. Девушка лежала на спине, руки вытянуты вдоль тела — неподвижная, как изваяние. Из-под одеяла выглядывала голая стопа. Мать поспешно заправила её обратно, словно стыдясь этой беспомощной наготы.

— Держите, Губернатор, — Амбулас извлёк из чемодана толстый журнал в кожаном переплёте и протянул его Урбэму. — Как договаривались: записываете всё, что я говорю и делаю. Не упускайте мелочей. Если я чихну — запишите. Если свеча погаснет — запишите.

— Понял, понял, — закивал Урбэм, прижимая журнал к груди. — Всё записывать. Каждую мелочь.

Он придвинул ближайший табурет к кровати и сел. Губернатор встал рядом, раскрыв журнал на первой странице. Мать застыла в проходе, прижав ладони к губам, — ни жива ни мертва.

— Возраст? — бросил Амбулас через плечо.

— Восемнадцать... — выдохнула женщина. — Совсем недавно исполнилось. Мы даже отпраздновать толком не успели... так, пирог испекли.

— Записывайте, Губернатор, чего ждёте? Каждую мелочь! Восемнадцать лет, женский пол, дата заболевания — восемь дней назад.

Урбэм вздрогнул, торопливо заскрипел пером, высунув кончик языка от усердия.

Амбулас взял бледную руку девушки — тонкую, почти невесомую — и нащупал пульс. Секунда, другая, третья. Затем склонился, приложил губы к её лбу, замер, прикрыв глаза. Потом осторожно приподнял веки, взгляделся в зрачки — и на мгновение его собственные глаза сузились. Всё это заняло не больше двух минут.

— Сорок два удара в минуту. Температура выше нормы на один-два градуса. Зрачки расширены полностью, радужки не видно. Дыхание приглушённое, поверхностное, — продиктовал он бесстрастно, но пальцы его чуть крепче сжали запястье девушки. — Пульс ровный, но слабый, как нить.

Он снова раскрыл чемодан и извлёк оттуда три свечи — толстых, восковых, пахнущих мёдом и травами, — небольшой тканевый свёрток и серебряный амулет с гравированной подвеской в виде боевого топора. Металл тускло блеснул в свете одинокой свечи.

— В доме есть свободная комната? — спросил он вдруг, не оборачиваясь.

— Все заставлены кроватями... — прошептала миссис Темингол. — У нас в каждой комнате коек по числу, вы же знаете, так у всех...

— Мы можем их сдвинуть, — предложил Урбэм, захлопывая журнал. — А зачем вам, позвольте полюбопытствовать?

— Затем, что мне нужно пространство. Много пространства. — Амбулас поднялся. — Я сбегая за мужем! — вдруг встрепенулась женщина, словно очнувшись от сна. — Он у соседей, поможет с кроватями, он сильный...

И выскользнула прочь. Через несколько секунд внизу хлопнула входная дверь. Амбулас резко встал, вышел в коридор и принялся одну за другой дёргать двери. Третья и пятая комнаты оказались заперты — видимо, там кто-то был из жильцов. Остальные пустовали. Молодой человек остановился у комнаты номер шесть.

— Нет времени ждать. Помогите сдвинуть кровати, нужно место.

— Что вы хотите сделать, господин Интенегри? — Урбэм нервно облизнул губы, переводя взгляд с Амбуласа на кровати и обратно. — Вы точно знаете, что делать? Я, конечно, верю, но...

Амбулас метнул в него такой взгляд, что Губернатор осёкся на полуслове.

— Вы собираетесь мне помогать или будете стоять и задавать вопросы?

— Помогать! Разумеется, помогать! — Урбэм торопливо отложил журнал на подоконник и взялся за спинку ближайшей кровати. — Вот, уже помогаю. Тяжёлая, зараза...

Тяжёлые доски цельного дерева, пропитанные сыростью, нехотя заскрежетали по полу. Матрасы скидывали в угол, и вскоре оба взмокли — особенно Губернатор, с которого пот катился градом. Амбулас за весь процесс не издал ни звука — только желваки ходили на скулах да дыхание стало чуть тяжелее. Управились минут за пять. Затем молодой человек принялся стыковать матрасы, образуя широкую мягкую площадку, и, закончив, быстро вышел в комнату пациентки.

Стянул одеяло. Перед ним предстало обнажённое, бездыханное тело — белое, как мрамор, с проступающей сеткой синеватых вен. Амбулас на мгновение отвёл взгляд, шумно выдохнул и заставил себя смотреть снова. Всё туловище было покрыто кровоизлияниями и кровоподтёками — багровыми, лиловыми, желтеющими по краям. Что-то убивало её изнутри — медленно, жестоко, неотвратно. Он бережно, как ребёнка, поднял девушку на руки и понёс в приготовленную комнату.

— Батюшки! — выдохнул Урбэм, посторонившись и едва не выронив журнал. — Да она же... у неё же...

— Записывайте, — оборвал его Амбулас. — Множественные гематомы неизвестного происхождения. Кожа бледная, тургор снижен.

Он опустил мученицу на матрасы, поправил её голову, расправил волосы — длинные, спутанные, но всё ещё хранившие остатки золотистого блеска. Затем расставил три свечи: одну у изголовья, две другие — у локтей с обеих сторон. Сбегал в комнату под номером один и вернулся с небольшим бронзовым кубком.

— Заполните водой. Чистой. Из колодца, не из бочки.

Губернатор беспрекословно повиновался и выбежал в коридор, грохоча каблуками. Амбулас тем временем поджёг фитили свечей — огоньки заплесали, вытягиваясь в тонкие жёлтые лепестки, — натянул на шею амулет и опустился на колени. Взял девушку за руку — осторожно, словно фарфоровую, — и зашептал слова на незнакомом языке, ритмичные и тягучие, будто древнее заклинание. Свечи горели ровно, не мигая, хотя в комнате гулял сквозняк.

— Эл номе ган го ретте. Эл номе ган го ретте. Эл номе ган го ретте повус...

Вернулся запыхавшийся Урбэм с полным кубком — вода плескалась через край, оставляя на полу мокрые дорожки. Амбулас протянул руку, не прерывая шёпота. Губернатор подал чашу, перекрестился и снова схватился за журнал.

Амбулас развернул тканевый свёрток. Внутри лежал кинжал — длинный, узкий, с клинком, который в свете свечей казался не серебряным, а почти жидким, будто струйка ртути. Он снова взял руку девушки, кольнул кончик пальца — та не пошевелилась, — подставил кубок и выдавил пять капель крови. Капли одна за другой упали в воду, распускаясь алыми облачками.

— Ло вонгу та повус. Ло вонгу та повус... — зашептал он, мерно покачивая чашу. Голос его звучал глухо, монотонно, и Урбэму на мгновение показалось, что свечи вспыхнули ярче.

Губернатор глядел на всё это с широко раскрытыми глазами. Ничего подобного он прежде не видел. Слышать о таком — слышал: вполголоса, от дальней родственницы, которая верила в сглазы и порчи. Но видеть... Это пугало и завораживало одновременно. Он стоял, боясь шелохнуться, и только перо предательски подрагивало в пальцах, вычерчивая на бумаге неровные строчки.

Амбулас поднёс кубок к губам и сделал несколько глубоких глотков. Поставил чашу на пол — и вдруг его глаза закатились, тело обмякло, и он повалился на бок, опрокинув кубок. Вода растеклась по доскам тёмной лужей.

— Ужас какой! — взвизгнул Губернатор, бросаясь к нему и падая на колени прямо в лужу. — Господин Интенегри! Вы меня слышите? Так и должно быть? Это часть обряда? Вы дышите? Дышите вроде... Значит, всё верно. Ведь верно? Верно, господин Интенегри? Да ответьте же хоть что-нибудь!

Но ответа ждать не приходилось. Душа Амбуласа покинула тело и устремилась в иные пределы — туда, где кровавое небо отражалось в лавовых озёрах, а из непроглядной тьмы уже доносился хриплый крик ворона.

Ад — это печь неугасимого огня. Место вечного наказания, где жертвы мучаются телесно и духовно в соответствии со своей греховной природой, совершёнными грехами и количеством отвергнутого ими света. Ад — это место, где нет Божьего милосердия, где Божий гнев изливается всепоглощающим пламенем, а люди вечно живут в мучении со своими неудовлетворёнными страстями.

В Евангелии от Матфея Господь говорит о суде: «Изыдут Ангелы и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь огненную: там будет плач и скрежет зубов».

«Огненная печь» — так можно было описать то, куда попала душа Амбуласа. Но он прекрасно знал: перед ним не царство вечных страданий. Ад вечен и будет всегда. А то, где он очутился сейчас, — не более чем захваченный злом разум девушки, нуждавшейся в помощи. Её душа, охваченная огнём, который следовало потушить. Болезнь, которую он обязан вылечить.

Место это походило на бесконечное жерло исполинского вулкана. В кипящей лаве, воровавшейся тяжёлыми, маслянистыми волнами, застыли чёрные неподвижные островки — от крохотных, в две ладони, до громадных, похожих на спины уснувших китов. Камни под ногами были горячими даже сквозь подошвы, воздух дрожал и плавился, искажая очертания предметов. Всё вокруг искрило жадным пламенем. Вдалеке клубился густейший, непроглядный мрак, в котором то и дело проблёскивали багровые всполохи — будто кто-то огромный открывал и закрывал глаза. Воздух был пропитан едким дымом и сладковатым зловонием серы, от которого першило в горле и слезились глаза. Жара стояла мучительная — она давила на плечи невидимым грузом, забивала лёгкие горячей ватой, заставляла кровь тяжело стучать в висках. Небо над головой клубилось огненными тучами, гремело, звенело, издавало протяжные, полные муки вопли — будто сам воздух страдал. Молнии с оглушительным треском били в скалы, высекая фонтаны искр, и каждая вспышка на мгновение выхватывала из тьмы чудовищные тени.

— Кар-р-р! — раздалось над самым ухом. Голос был хриплым, скрежещущим, но в нём слышалось что-то почти насмешливое.

Из ниоткуда — будто соткавшись из дыма и теней — возник чёрный, как сама ночь, ворон. Именно ворон: не ворона, не грач, а крупная, мудрая птица, столетиями обманывающая смерть в легендах и сказках. Он описал пару кругов над головой Амбуласа — крылья рассекали горячий воздух с сухим шелестом, — сверкнул на лету мощным клювом, загнутым, как стальной крюк, и тяжело опустился на каменистую землю. Чёрно-металлическое оперение отливало багрянцем, отражая кровавое небо; каждое перо казалось отлитым из обсидиана. В глазах птицы — круглых, немигающих — плясали отсветы далёкого пламени.

Ворон задумчиво уставился на человека. Склонил голову набок — сначала в одну сторону, потом в другую, — изучая его с бесцеремонным любопытством старого знакомого. Амбулас медленно, стараясь не делать резких движений, протянул руку — но в ответ получил лишь короткий, оценивающий взгляд угольно-чёрных глаз и громкое, раскатистое «Кар-р!», прозвучавшее

чавшее почти как насмешка. Тяжело ударив крыльями — раз, другой, подняв тучу пепла, — птица взмыла в душное небо и исчезла во мраке.

— Ну здравствуй, приятель, — промолвил молодой человек ей вслед, и в его голосе промелькнула тёплая нотка. Поправил воротник пальто — привычный жест, машинальный, — и добавил негромко, уже самому себе: — Что ж, приступим. Пора.

В тот же миг торс, руки и ноги охватило синее сияние. Оно пульсировало, разгораясь всё ярче, в такт биению сердца — ту-дум, ту-дум, ту-дум. Вспышка! И словно по волшебству Амбулас оказался полностью снаряжён в тёмную кожаную броню. Нагрудник и наплечники комбинировались с длинной туникой, заклёпки на мягкой коже сидели так близко друг к другу, что образовывали эластичное металлическое покрытие, совершенно не сковывавшее движений. За спиной возник меч с длинным симметричным клинком и волнистым лезвием — пламенеющим, как называли такую форму оружейники, — отливавшим холодной сталью даже в этом пекле. На шее висел знакомый амулет с подвеской-молотом; металл охлаждал кожному сквозь броню. Довершала средневековый облик цепь, плотно обмотанная вокруг левой руки: один конец крепился от плеча до локтя, другой переходил в остроконечный крюк — острый, как бритва, и тяжелее, чем казался на вид.

Амбулас несколько раз подпрыгнул на месте, проверяя, как сидит броня, не жмёт ли, не гремит ли. Привычно. Словно вторая кожа. Он рванул вслед за исчезнувшей тенью ворона.

Пейзажи не менялись: всё те же чёрные скалы, по которым огненными змеями стекала лава — шипящая, пузырящаяся, оставляющая за собой застывающие бугристые следы. Пыль висела в воздухе, оседала на губах, скрипела на зубах. Дым стелился по земле, закручиваясь воронками. Где-то в отдалении горело нечто похожее на скрюченное, мёртвое дерево — его ветви корчились в пламени, будто живые. Небо разрывали молнии, далёкие вопли то затихали,

то взвивались с новой силой — и нельзя было понять, кричит ли это ветер или что-то другое, чему нет названия.

Вскоре путь ему преградил крутой склон — почти отвесная стена, чёрная, блестящая, как застывшая смола. Обойти её было невозможно: по бокам плескалась раскалённая жижа, лениво ворочаясь и пуская пузыри. Амбулас полез вверх. Перчатки спасали ладони от острых, как ножи, камней, но каждое касание отдавалось неприятным жжением, а пар от нагретой кожи поднимался лёгкой дымкой. Пару раз валуны уходили из-под ног — предательски, без предупреждения, — и он срывался, съезжая вниз вместе с каменной крошкой, обдирая локти и колени. Приходилось начинать заново. На третий раз, выругавшись сквозь зубы, он всё же одолел препятствие и вскарабкался на гребень.

За холмом, в нескольких сотнях метров, показалось смутно знакомое поселение. Над ним, закладывая лихие виражи и хрипло каркая, кружил чёрный ворон. Амбулас прищурился, вглядываясь в очертания домов, и вдруг узнал их.

Лучезарный.

Но этот Лучезарный разительно отличался от того, что он видел наяву. Каждый дом был охвачен пламенем — жадным, ревущим, неистовым. Языки огня лизали стены, вырывались из окон, взметались к небу, сливаясь с багровыми тучами в единое зарево. Фонтан — тот самый, с босоногим мальчиком, — был разбит вдребезги, лишь груда оплавленных, почерневших камней напоминала о нём. Губернаторский дом отсутствовал вовсе — на его месте зиял пустырь, засыпанный пеплом. Ни души. Только пламя и тишина — та особенная, звенящая тишина, что наступает после катастрофы.

Амбулас отряхнулся, смахнул с плеч каменную крошку и зашагал к руинам.

Всё пылало. Жар волнами накатывал отовсюду, казалось, сам воздух готов был вспыхнуть. Ни единой души — лишь смог проявлял подобие жизни, лениво перетекая под порывами горячего ветра. Пройдя чуть дальше от места, где некогда стояло главное здание, он услышал за спиной карканье и резко обернулся.

Посреди пылающих домов стояла неподвижная фигура. Белые волосы — длинные, спутанные, неестественно яркие на фоне багрового зари. Та самая девушка, в чьё сознание он проник. Амбулас медленно двинулся ей навстречу, стараясь не спугнуть.

Обнажённое тело было покрыто ожогами и пылью — запёкшаяся кровь, сажа, волдыри. По щекам текли слёзы, оставляя светлые дорожки на грязном лице. Губы что-то беззвучно шептали. В глазах девушки — широко распахнутых, немигающих — плескался беспросветный мрак, заполнивший радужку до краёв.

— Возьми меня за руку, — негромко заговорил Амбулас, сокращая расстояние. Голос его звучал мягко, почти ласково — так непохоже на его обычную манеру. — И мы покинем это место. Весь этот ужас закончится. Здесь ничего нет, только боль. А там, снаружи, тебя ждут. Только дотронься до моей руки.

Он протянул ей ладонь — открытую, безоружную, — и сделал ещё шаг.

Их разделял какой-то десяток шагов, когда девушка вдруг закричала. Пронзительно, нечеловечески — так не кричат живые существа. Крик разорвал тишину, отразился от пылающих стен, заметался эхом. И в тот же миг она молниеносно бросилась на него — не пошла, не побежала, а именно бросилась, как бросается хищник на добычу. Амбулас ощутил кожей поток горячего воздуха, вскрикнул, не удержался на ногах и рухнул на спину, не в силах отвести взгляд от несущейся на него фигуры.

Но девушка растворилась в воздухе за мгновение до столкновения. Растаяла, как дым, как мираж. Вместо неё на горящих крышах, будто из ниоткуда, возникли странные твари и тут же, с противным стрекотом и улюлюканьем, попрыгали на землю. Маленькие, шкодливые, лысые, с неестественно длинными руками, свисавшими до земли, и крупными заострёнными ушами — они походили на отощавших карликов, вымазанных в саже и пепле. Кожа их была

серой, бугристой, покрытой язвами. В глазах — крохотных, глубоко посаженных — плясали всё те же багровые отсветы. Они скалились, показывая мелкие острые зубы, и переглядывались с тем особым, жутковатым весельем, какое бывает только у тех, кто предвкушает чужую боль.

Амбулас знал: ничего хорошего от этих существ — да и вообще от всего, что населяло захваченные сознания, — ждать не приходится. И оказался прав. Едва приземлившись, твари, даже не дав ему подняться, принялись метать в него огненные шары — небольшие, но плотные, шипящие, как комья магмы.

Первый шар с воем рассёк воздух у самого виска — Амбулас почувствовал жар на щеке. Он мгновенно вскочил, ушёл перекатом в сторону, пропуская над головой второй снаряд, и укрылся за стеной ближайшего пылающего дома. Камни обжигали спину даже сквозь броню. Высунулся на миг — насчитал пятерых. Пять уродливых теней на фоне пламени. Существа, издавая торжествующий визг, вприпрыжку побежали к нему, разбрызгивая лаву.

— Ну, добегались, — процедил Амбулас.

Он выхватил меч. Синее сияние пробежало по клинку, выхватывая из мрака волнистую кромку лезвия — тот засветился, загудел, будто ожил в руке. Сделав кувырок влево, Амбулас взмахнул левой рукой. Цепь ожила, устремилась вперёд с тихим свистом, и острый крюк с влажным, отвратительным хрустом пронзил крайнего карлика насквозь — вошёл в грудь и вышел из спины. Тварь даже не успела взвизгнуть. Амбулас рванул цепь на себя, притягивая бьющуюся в агонии тушу, и нанизал её на клинок — одно слитное движение, и обмякшее тело сползло на камни.

Второй карлик с разбегу сам напоролся на удар плашмя, его отбросило в стену с тошнотворным хрустом — посыпались кирпичи, брызнула кровь. Оставшиеся трое, взвизгнув, метнули по шару разом — три огненных комка полетели в Амбуласа, оставляя в воздухе дымные следы. Он бросился им навстречу, уходя в низкий подкат: огненные снаряды пронесли над головой и разорвались где-то за спиной, осыпав его градом искр и горячих осколков. В следующий миг он уже был среди них. Меч заходил веером — сталь вспарывала плоть с влажным чавканьем, кровь брызнула в стороны, оседая на камнях чёрными, быстро засыхающими каплями. Двое рухнули, не успев даже вскрикнуть, — просто повалились, как сломанные куклы.

Последний, обезумев от страха, бросился наутёк. Он бежал, смешно перебирая короткими ножками, спотыкаясь о камни, но цепь с крюком настигла его в прыжке — свист, удар, хруст. Рывок — и мёртвая туша шмякнулась оземь, подняв тучу пепла.

Амбулас оглядел поле боя, переводя дыхание. Пять тел. Пять луж чёрной, дымящейся крови. Враг повержен. Он забросил меч за спину — клинок с тихим звоном вошёл в ножны, — и стёр с лица кровавые брызги.

— Кар-р! — раздалось восторженное.

Ворон, всё это время сидевший на земле за спиной человека, с интересом наблюдал за схваткой. Он щёлкнул клювом — сухо, одобрительно, — склонил голову набок, и в его мудрых глазах отразилось что-то похожее на удовлетворение. Затем птица тяжело захлопала крыльями и устремилась прочь от руин, в сторону холмов.

— Ты всё не перестаёшь меня поддерживать, друг мой, — усмехнулся Амбулас, провожая её взглядом. И двинулся следом.

Следующее место превзошло все его ожидания. Долго пришлось взбираться на холм, бесконечно тянущийся вверх; ноги скользили по оплавленному камню, лёгкие жгло от раскалённого воздуха, а пот заливал глаза. Наконец, преодолев гребень, он замер, и дыхание перехватило.

Перед ним высилась огромная чёрная башня — метров семьдесят-восемьдесят в высоту, в форме узкого цилиндра, ошетилившегося каменными иглами. Концы этих игл горели алым, будто их только что вынули из горна, и от них исходил низкий, вибрирующий гул. От башни расходились два моста-коридора — узкие, без перил, — соединяя её с двумя башнями

поменьше, приземистыми и мрачными. Из самой вершины бил в небо яркий оранжевый луч — столп света, терявшийся в клубящихся тучах. Всё сооружение окружал забор, походивший на останки исполинского хребта: гигантские изогнутые рёбра, каждое в два человеческих роста, торчали из земли, смыкаясь над головой, — и, казалось, они ещё дышали.

— Кар-р, — раздалось у самых ног.

Ворон приземлился на камень, искоса взглянул на человека, вытянул шею в сторону башни и отчётливо, по-птичьи дёрнул головой — мол, «Тебе туда, чего уставился?»

— Понял, понял, — проворчал Амбулас. — Не нуди.

В два прыжка он достиг забора, легко перемахнул через ограду — и едва его ноги коснулись земли по ту сторону, как из-под каменных плит повалил густой, удушливый дым. Под раскаты грома — оглушительные, сотрясающие всё тело, — дым рассеялся, и перед ним возникли те же твари, что и в Лучезарном. Только теперь их было втрое, если не вчетверо больше.

Десятка полтора карликов — а может, и все два, — скалясь и визжа, окружили его полукольцом. Они напирали, толкались, размахивали своими длинными руками. Амбулас метнул крюк в ближайшего — пронзил насквозь, — но в тот же миг в него полетели огненные шары, сразу пять или шесть. Он ушёл перекатом, снаряды разорвались оземь, взметнув фонтаны искр и обломков. Один шар разорвался прямо под ногой, когда он переносил вес, — взрывная волна подбросила его, перевернула в воздухе и с силой швырнула на камни. В глазах потемнело. На коленях, почти не глядя, оглушённый, он отполз за грудой обломков, уклоняясь от нового града снарядов. Камни крошились вокруг, осыпая его градом осколков.

— Многовато вас, — выдохнул он, тряхнув головой, чтобы прогнать звон из ушей.

Когда обстрел на секунду стих — карлики перезаряжались, или набирали новую порцию огня, или просто переводили дух, — Амбулас вскочил и ринулся в атаку. Три туши остались за спиной после первого же рывка — меч вспорол их, почти не замедлив движения, развалив надвое. Затем он вскинул левую руку, раскрутил цепь над головой, и острый крюк засвистел, рассекая раскалённый воздух, — вж-ж-ж, вж-ж-ж. Пришлось присесть — рост тварей едва превышал метр. Смертоносное лезвие описало широкую дугу и с влажным чавканьем пропороло сразу шестерых — они повалились, как скошенная трава. Брызги чёрной крови осели на броне, на лице, на руках.

— Шесть, — сосчитал он. — Ещё...

Осталось четверо. Они попятились к воротам главной башни, переглядываясь и что-то лопоча на своём языке, и снова метнули шары — но расстояние было уже слишком велико. Амбулас легко уклонился — просто шагнул в сторону, — и, выждав момент, бросил крюк. Цепь, ведомая сказочной магией, проткнула первого карлика и, пройдя насквозь, зацепила стоящего за ним — два в одном. Воин рванул цепь на себя: притянул тушу, снеся раненому голову одним ударом, и тут же развернулся к оставшимся.

Двое уцелевших переглянулись — в их глазах мелькнул животный ужас, — и бросились в разные стороны.

«За двумя зайцами не погонишься», — мелькнуло в голове. Крюк настиг одного — хруст, вопль, тишина; второй скрылся из виду, юркнув в какую-то щель.

Амбулас подошёл к воротам главной башни — массивным, чёрным, без единой ручки, — и толкнул. Не поддались. Обогнув постройку, он попытался проникнуть в соседнюю башню, но там и вовсе не оказалось входа — только гладкая стена. Тогда он отступил на несколько шагов, окинул конструкцию изучающим взглядом снизу вверх, и его осенило. Каменные иглы, торчавшие из стен, походили на ступени — неровные, опасные, но ступени. Между ними зияли приличные пролёты — метра по три, — но не для того, у кого есть цепь с крюком.

— Ладно, — пробормотал он. — Попробуем.

Он прицелился и метнул крюк. Цепь плотно обмотала иглу, лязгнув металлом о камень. Амбуласа с силой рвануло в воздух. Удар грудью о стену вышел мощным — даже сквозь нагруд-

ник перехватило дыхание, в глазах вспыхнули искры. Он заскрипел зубами, подтянулся, балансируя на узком выступе, и метнул крюк выше. Снова рывок, снова удар — рёбра протестующе хрустнули. С каждым разом он всё ближе к вершине, с каждым разом боль в груди становилась острее, резче, невыносимее. К концу подъёма он уже вскрикивал при каждом столкновении с иглами, а рёбра трещали так, что, не будь на нём нагрудника, от переломов было бы не уйти.

Наконец он перевалился через край крыши и несколько минут просто лежал на спине, хватая ртом горячий воздух и глядя в клубящееся багровое небо. Перед глазами плыли круги.

— Слушать глупую птицу, — прохрипел он. — Вот чудеса. В следующий раз сам полезу, без подсказок.

Но он не сомневался: он на верном пути. Где-то глубоко внутри, под усталостью и болью, теплилась уверенность.

Поднявшись — с третьей попытки, — Амбулас подошёл к краю крыши. Мост между башнями был всего в четырёх метрах под ним. Он спрыгнул, при приземлении ушёл в кувырок, гася удар, и тут же побежал к небольшим воротам в главную башню. Толкнул — бесполезно. Тогда он окинул взглядом стены, провёл по ним ладонью — и заметил неприметную плиту, слегка утопленную в кладку. Нажал. Плита подалась с тихим щелчком, и ворота с глухим скрежетом разъехались в стороны.

— Так и знал, — проворчал он, представив, что точно такая же плита могла быть и у первых ворот. — Ладно, проехали.

Он вошёл внутрь, и тьма обступила его со всех сторон.

Стены коридора были расписаны светящимися желтоватыми символами — древними, незнакомыми. Их пульсация напоминала биение сердца — мерное, спокойное, завораживающее. Пройдя дальше, он оказался перед развилкой: один путь вёл прямо, к мосту, второй уходил вправо, вглубь башни. У второй двери он снова нашёл нажимную плиту — на этот раз почти сразу.

Двери раскрылись бесшумно, и перед ним распахнулось обширное высокое помещение — круглое, как внутренность колодца. Вдоль стен вилась спиралевидная лестница, уводящая к самому сердцу башни. А сердцем этим служило раскалённое ядро, похожее на пойманное солнце. Оно висело в центре, удерживаемое массивными балками, которые выходили из стен и, казалось, с трудом сдерживали его неистовую, рвущуюся наружу энергию. Ядро гудело — низко, утробно, — и от этого гула вибрировал воздух. Под ядром, на тех же балках, связанная чёрной липкой субстанцией — похожей на гигантскую паутину, только живую, дышащую, — висела девушка. Без сознания. Белые волосы свешивались вниз, почти касаясь пола, руки были широко разведены в стороны, ноги обвиты коконом.

Амбулас вышел на платформу. Пленница была совсем близко — рукой подать, — но дотянуться сложно. Он быстро оценил обстановку, прикинул траекторию: обрубить верхние крепления, сместить девушку ближе к краю, а потом одним ударом перерубить оставшиеся пути и поймать её. Другого пути нет.

Только он занёс меч, как в бок ударила магическая волна — плотная, упругая, будто невидимый таран. Его отшвырнуло к стене с такой силой, что из лёгких вышибло воздух. Он едва не скатился вниз по лестнице, чудом уцепившись за ступеньку.

Со стен, откуда-то из темноты — из самого мрака, — спрыгнул демон. Огромный паук с головой и руками бледнокожей женщины. Восемь мохнатых лап с влажным, отвратительным стуком приземлились на камень. Тварь медленно перебирала конечностями, раскачиваясь из стороны в сторону, подбираясь ближе, и каждое её движение сопровождалось тихим скрежетом хитина. В мёртвых, белесых глазах не было ничего, кроме голода — древнего, бездумного, неутолимого.

Амбулас вскочил и метнул крюк. Демон с неожиданной ловкостью отпрыгнул в сторону, цепь просвистела мимо, высекая искры из каменной стены. В ответ чудовище нанесло ещё

один энергетический удар — на этот раз прицельный, сбивший человека с ног. Он рухнул на платформу, и тварь бросилась на него, перебирая лапами с омерзительной скоростью.

На то, чтобы встать, ушли драгоценные доли секунды. Демон уже нависал над ним, заполняя собой всё пространство. Длинные чёрные когти рассекали воздух, целя в горло; человеческие руки и паучьи лапы били попеременно — вверх, вниз, сбоку, — не давая ни мгновения передышки. Амбулас уклонялся, уходил в сторону, откатывался, но выхватить меч за спиной не успевал — тварь была слишком быстрой.

Тогда он метнул крюк в сторону — не целясь, наобум. Крюк намертво впился в балку над головой, и человек взвился в воздух, упорхнув от врага за мгновение до того, как когти сомкнулись на его горле. Вскарabкался на балку, выхватил наконец меч и завертел головой, выискивая паука.

— Где же ты?! — выкрикнул он, и голос заметался эхом под сводами. — Иди сюда!

Сзади затрещало — громко, угрожающе. Амбулас резко обернулся — демон уже летел на него, оттолкнувшись всеми восемью лапами разом. Столкновение сбilo обоих с балки, кубарем, вцепившись друг в друга — человек в броню, тварь в хитин, — они рухнули обратно на платформу. Удар был такой силы, что плита под ними треснула.

Амбулас ударился спиной, но не дал себе ни секунды на боль. Схватил меч, выпавший при падении, и ринулся вперёд — прямо на тварь. Колющий удар — клинок вошёл в сочленение лап, заставив демона взвизгнуть тонким, режущим ухо голосом. Режущий — чёрная кровь хлынула на камни, зашипела, прожигая плиты. Прыжок в сторону — мимо просвистели когти, оцарапав наплечник. Удар по лапам — две конечности отлетели в стороны, извиваясь, точно разрубленные змеи, и затихли. Кувырок. И последний, завершающий выпад: клинок, описав сверкающую дугу, пронзил тело насквозь — от груди до спины.

Демон рухнул. Из раны повалил чёрный дым — густой, удушливый, тело задёргалось в агонии, лапы скребли камень, и наконец затихло.

В тот же миг башню затрясло — не так, как прежде, а по-настоящему, до основания. Сверху посыпались камни; одна из балок, не выдержав, с жутким скрежетом обрушилась вниз и разбилась о пол. По стенам побежали разломы — широкие, ветвящиеся, как молнии.

Амбулас бросился к девушке. Обрубил путы — липкая субстанция тяжело поддавалась, клинок вяз в ней, как в смоле, — и бережно, как величайшую драгоценность, положил голову пленницы себе на колени. Та медленно открыла глаза. В них больше не было мрака — только слабость, растерянность и проблеск сознания.

— Возьми меня за руку, — начал он, но договорить не успел.

Вторая балка рухнула, едва не задев платформу. Небо снаружи гремело так, будто сам мир раскалывался надвое. Стены ходили ходуном. Ядро над головой запульсировало быстрее, раскаляясь добела, и от него исходил такой жар, что воздух плавился.

— Возьми меня за руку! — Амбулас склонился к самому её лицу, перекрикивая грохот. — Ты хочешь отсюда уйти? Там, снаружи, тебя ждут. Мать, отец. Ты обязана сама дать мне руку. Понимаешь? Сама. Я не могу тебя вытащить без твоей воли. Ты же хочешь уйти?

Девушка смотрела на него затуманенным взором, дышала тяжело, прерывисто, грудь вздымалась с трудом. Губы её беззвучно шевелились.

Следующая балка рухнула. Пол под ними задрожал, пошёл трещинами. Ядро издало низкий, нарастающий гул — так гудит перегретый котёл за мгновение до взрыва.

— Возьми мою руку! Ну же! Сейчас или никогда!

Девушка со стоном, преодолевая невидимую тяжесть, медленно-медленно подняла ладонь. Пальцы её дрожали. Амбулас перехватил их, сжал крепко, до боли — и в тот же миг мир вокруг них исчез.

Глава 3. Минувшие дни. Затмение

Когда Амбуласу не исполнилось ещё и трёх лет, его родители погибли. Впрочем, слово «погибли» здесь не совсем уместно — во всяком случае, вопрос стоял иначе: а погибли ли они на самом деле?

Парренс Интенегри был успешным предпринимателем и весьма уважаемым человеком. Однако богатство не ударило ему в голову, а, напротив, вело к поступкам редкого благородства. Добродетель почиталась в семье Интенегри самой высокой ценностью: если нет добродетели, говорил Парренс, знатность не поможет. Он был кормильцем бедноты. Основывал больницы, открывал школы, навещал больных детей, давал приданое девушкам из бедных семей, помогал вдовам и усыновлял сирот. Кроме того, он материально поддерживал ночлежки и столовые, где любой обездоленный мог найти кров и горячую еду. К Парренсу шли за помощью все, кому некуда было податься, — и никто ни разу не ушёл от него с пустыми руками.

Он и сам в юные годы сполна хлебнул голода и унижений: отчим выставил его на улицу, а мать не осмелилась заступиться за собственного сына. Но смекалка и сообразительность помогли Парренсу подняться с колен. После долгих мучительных скитаний он напросился на подработку к одинокому пожилому кузнецу, и тот со снисходительной жалостью взял бедолагу в ученики. Поначалу мальчик просто подносил инструменты и заготовки, затем научился крепить и регулировать штампы, закладывать детали, очищать их от смазки. Когда знания по кузнечному ремеслу возросли, он с любопытством принялся соединять различные сплавы, добываясь всё большей прочности и лёгкости сырья. Хорошая работа кузнеца ценилась высоко, а если в ней проглядывала индивидуальность — платили вдвое. Старик умер, но Парренс продолжил его дело, мало-помалу начиная относиться к ремеслу как к искусству.

Вскоре юноша увлёкся изготовлением уникального боевого оружия. В ту пору чёрный порох ещё не обрёл настоящей славы, и пределом его инженерной мысли стал многозарядный арбалет. Идея пришла, когда он задумался о главном неудобстве арбалетов — необходимости постоянно перезаряжать их. Сперва он замыслил поворотный лук, позже решил прикрепить к конструкции барабан, а затем оснастил всё это зонтичным механизмом. Конструкция обеспечивала быстрое натяжение тетивы и поворот барабана, снаряжённого несколькими стрелами, с чёткой установкой каждой очередной стрелы в боевую позицию. В полной экипировке арбалет весил около четырёх килограммов, и равных ему по скорострельности среди оружия подобного класса попросту не существовало.

Это был шедевр. Солдаты по достоинству оценили новинку, и уже через несколько недель имя создателя прогремело на весь город, а затем и на весь мир. На Парренса обрушились горы денег. Всего он добился сам.

Он основывал заводы, нанимал рабочих, разрабатывал новые проекты, экспортировал изделия в другие страны. Богатство росло, но Парренс никогда не забывал, что ему пришлось пережить. Он слишком хорошо знал, что такое нужда, зимняя стужа, жажда и голод, и именно поэтому неизменно протягивал руку тем, кто оказался в беде.

Мать Амбуласа, Трис Вир, преподавала в школе для девочек. В ней ценили понимание, доброту и необыкновенную бодрость духа. Судьба её ничем не отличалась от судеб многих: самая обыкновенная семья, самые простые родители, самый заурядный дом. С первого взгляда Трис казалась совершенно обычной девушкой; даже её пышные каштановые волосы с красноватым отливом не придавали ей яркой индивидуальности. Обманчиво лёгкой выглядела и её учёба в университете, и четырехлетняя обязательная работа по распределению в школе. На самом же деле она вкладывала в образование и профессиональный рост все силы и все ресурсы, какие у неё были.

С будущим мужем Трис познакомилась на премьере в театре. Ей пришлось идти одной, и оттого спектакль, хоть и довольно интересный, не доставлял особой радости. Парренс тоже пришёл один, но, увидев прекрасную незнакомку, которая к тому же выглядела такой одинокой, решительно сел рядом и, представившись, завязал непринуждённую беседу. Представление тут же отошло на задний план. Они влюбились друг в друга с первого взгляда. Увлекательный разговор затянулся, и после спектакля они всю ночь бродили по истоптанным тропинкам в парке. Парренс держал барышню за руку и всё время смотрел на неё, а она от смущения то бледнела, то краснела. Они обожали друг друга и поженились почти сразу после знакомства.

Когда родился малыш, Трис немедленно оставила работу и полностью посвятила себя воспитанию ребёнка. Совсем юный Амбулас был настоящим счастьем в их доме. Родители щедро одаривали его любовью и вниманием. Отец, возвращаясь с работы, первым делом шёл в комнату к сыну, брал его на руки, слегка подкидывал вверх — отчего у матери всякий раз замирало сердце, — и целовал в лоб. Амбуласу это жутко нравилось: он заливался смехом и когда взлетал в воздух, и когда отцовская щетина слегка царапала ему нос. Мать тоже невероятно сильно любила своё чадо: она практически не отходила от него ни на шаг, всюду брала с собой, но при этом никогда не ограничивала его свободу. Родители опекали сына так крепко, как только могут опекать единственного ребёнка, и в то же время никогда не навязывали ему своего мнения.

После той судьбоносной ночи, когда Парренсу и Трис по непонятным обстоятельствам пришлось покинуть дом, оставив Амбуласа на попечение трёх нянь, вся жизнь ребёнка окрасилась в серые тона. Карету, в которой супруги отправились в путь, нашли уже следующим утром — пустую и распряжённую на опушке ближайшего леса. Двоих человек объявили в розыск. Спустя три недели непрекращающихся поисков родителей Амбуласа признали погибшими. Город покрылся трауром.

Полиция так и не смогла ни раскрыть, ни даже толком возбудить дело — ни об исчезновении, ни об убийстве. Следов похищения не обнаружилось, мёртвых тел ни в лесу, ни в округе не нашли. Улики отсутствовали. Сыщики пребывали в недоумении: были люди — и нет людей.

По завещанию Парренса Интенегри, найденному в его рабочем столе, всё состояние семьи отходило сыну. Самого же Амбуласа передавали на воспитание ближайшему родственнику, каковым признали двоюродного брата Парренса.

Леон Интенегри оказался личностью суровой. В одном его взгляде можно было разглядеть вечную мерзлоту. Этот человек был отталкивающе холоден и формален в любых человеческих отношениях. Он не умел ни плакать, ни смеяться, оставался по-настоящему чёрствым и непреклонным даже с самыми близкими. Его можно было назвать жестоким — но нет. Суровость решительно отличается от жестокости одним: она не ищет и не получает удовольствия от причинения боли другому. Жестокость не имеет никакого представления о доброте и сочувствии; в суровости эти качества умеренно выражены, хотя проявиться могут лишь в особых, почти пограничных ситуациях.

Леон был заядлым охотником, но зря животных не убивал. В юности это пристрастие едва не погубило его. Тогда он с компанией отправился охотиться на льва. Всё было по закону, с лицензией. Группа взяла след и после долгого преследования наконец выследила зверя. Но король-лев устоял даже под несколькими выстрелами из луков и сам напал на охотников. Больше всех пострадал Леон. По счастливой случайности кто-то сумел попасть льву прямо в глаз, что сразило зверя и спасло человеку жизнь. Однако лицо Леона было изувечено до неузнаваемости: часть правой щеки разодрана так глубоко, что обнажилось потемневшее основание зубов, косые растрескавшиеся алые линии пересекали пустую глазницу вместо правого глаза. Тело покрывали раны и кровоподтёки, пальцы ног были словно выкручены, вывернуты, переломаны. Всё это оставило уродливые шрамы на всю жизнь и наградило хромой походкой.

Леон Интенегри жил в поместье, выстроенном в готическом стиле. Прежде оно принадлежало старинному княжескому роду. Двухэтажный каменный дом, окружённый садом, серый остроконечный купол, зелёные деревянные колонны — каждая деталь говорила о характере владельца. Уже то, что дом стоял на открытой, продуваемой ветрами местности вдалеке от города, указывало на человека непрактичного и бесхозяйственного: хороший хозяин ни за что не поставил бы жильё в таком месте. Жиденькие деревья и позеленевший пруд красноречиво свидетельствовали, что за ними никто не ухаживает, деревья растут сами по себе, пруд не чищен. Но Леону поместье казалось идеальным, и он приобрёл его за скромную цену, благо всему зданию всё равно требовался капитальный ремонт.

В доме вечно чего-нибудь да недоставало. Одна комната была обставлена старой мебелью, обтянутой потёртой кожей, дубовыми столами и книжными шкафами. В другой — не было и вовсе никакой мебели. Спальня хозяина, напротив, располагала всеми удобствами. В её оформлении преобладал успокаивающий зелёный цвет, интерьер подкупал простотой и чистотой линий. Мебель красного дерева с бронзовой отделкой, тяжёлые сине-зелёные шторы. В спальнях же прислуги, по усмотрению Леона, вполне хватало кровати, тумбы и комода, а стены могли оставаться обшарпанными.

Кабинет — место, где человек предаётся интеллектуальной деятельности, — имеет особое значение для натур самодостаточных. Кабинет Леона Интенегри представлял собой небольшую комнату. Центральное место занимал старинный письменный стол. На нём всегда лежали сборник собственных сочинений хозяина, фарфоровая чернильница в виде льва, печатка-ножичек и табачница — Леон изрядно любил покурить. Над столом висели картины с пейзажами. Два позолоченных канделябра, два высоких стула и большое кресло с резными подлокотниками вносили в эту комнату подобие уюта.

Леон Интенегри был человеком одиноким. Он никого не любил, и его никто не любил. Но несчастным он себя не считал. Он всегда стремился к одиночеству, искал уединения и к зрелым годам добился почти полного отчуждения от мира.

Когда маленького Амбуласа привезли в поместье, это не вызвало у Леона ровным счётом никаких эмоций. Он не был огорчён гибелью брата, не был возмущён появлением в доме ребёнка. Он отнёсся к этому, как к должному. К тому же некоторая сумма от состояния Парренса перешла и ему самому — «на содержание племянника и личные нужды». Только одно слово сорвалось тогда с его уст:

— Волчонок.

Леон нанял няню и гувернантку, выделил ребёнку отдельную комнату, обставил её, не обделяя игрушками. Единственным условием содержания малыша было не посягать на одиночество хозяина и его личное пространство. Именно поэтому Амбулас в младенчестве видел дядю крайне редко, но эта мрачная, загадочная фигура вызвала у него острейший, почти неподдельный интерес.

Няня то и дело теряла непоседу из виду, стоило лишь на миг отвернуться. Амбуласа словно непостижимая сила тянула к дверям дядиного кабинета. Дотянуться до ручки не позволял рост, да и сил отворить тяжёлую створку пока не хватало, однако мальчик часами мог сидеть на полу напротив, терпеливо дожидаясь чуда.

Леон почти всё время проводил в кабинете. Выходил оттуда очень поздно, возвращался очень рано, и порой казалось, что он там и ночует. Завтракал, обедал и ужинал он только у себя, и по какой-то причине никому не позволял входить внутрь. Обитатели поместья не имели ни малейшего понятия, чем хозяин занимается там днями напролёт, и это было главной загадкой дома.

Гувернантка часто принималась рассказывать Леону об успехах Амбуласа, когда относилась к нему снисходительно. Хозяина это, разумеется, не интересовало, и он всякий раз обрывал её одной и той же фразой:

— Спасибо за обед.

А рассказать ей было о чём. Ребёнок оказался развит не по годам. Особый интерес он проявлял к чтению и музыке. Гувернантка уже и не помнила, в какой раз сообщала в закрытую дверь, что мальчик начал читать по слогам, что прикладывал ухо к пианино, когда няня играла, что заставил повариху раскидать яблоки по всему столу, выбрав из них какую-то одному ему ведомую композицию, и потом долго и сосредоточенно что-то чиркал на листе. Иными словами, росла творческая личность. Амбулас оставался спокойным и тихим, но ко многому проявлял любопытство. К шести годам уже читал книжки, к семи — пытался сочинять собственную музыку.

Он любил играть в прятки с няней в саду, любил уходить на прогулки подальше от поместья. Каждое утро начинал с зарядки, подтягивался, хватаясь за дверные косяки, носился по всему дому, воображая себя великим путешественником. На ночь заставлял гувернантку — непременно её, а не няню — читать ему сказки и всякий раз говорил, какой у неё красивый голос. А с поварихой делился секретами.

Чаще всего Амбулас играл прямо напротив двери кабинета. Так он ждал, когда дяде Леону приспичит выйти, чтобы успеть хоть мельком разглядеть его, а если повезёт — даже заговорить.

О смерти родителей мальчик не знал. Ему говорили, что папа с мамой уехали далеко-далеко, но очень сильно его любят и потому должны зарабатывать деньги, чтобы он когда-нибудь смог купить себе большой дом. Одной ночью Амбулас написал им письмо. Старательно, печатными буквами, он вывел, как сильно скучает и как просит их больше не работать. Не нужен ему большой дом — он и в маленьком проживёт. К письму приложил записку с просьбой к дяде Леону отослать послание родителям. Прежде чем подсунуть конверт под дверь кабинета, он посоветовался с поварихой. Та строго-настрого запретила ему приближаться к дядюшкиной двери, сама взяла письмо и пообещала отправить его лично.

Амбулас часто плакал по ночам. Когда об этом узнала няня, мальчик объяснил ей — очень серьёзно, без тени смущения, — что таким образом он отгоняет от себя плохое настроение, чтобы наутро снова мочь всем улыбаться. Няня крепко обняла его и горько расплакалась сама. В этом доме его любили почти все.

Однажды ночью Амбулас вышел из комнаты попить воды. Спускаясь по лестнице, он заметил, что дверь в кабинет дяди приоткрыта. Мальчик осторожно заглянул внутрь. Леона не было. Он уже хотел уйти, но взгляд привлекла блестящая коробочка на рабочем столе — табачница. Амбулас чуть слышно, на цыпочках, вошёл в кабинет. В комнате стоял холод, тяжело и невкусно пахло, а картины в темноте глядели на него пугающе. Он бесшумно забрался на стул, лёг животом на стол и принялся разглядывать чудесную безделушку. Попытался открыть — не поддаётся. Тогда он схватил ножичек и принялся подковыривать крышку.

— Это что ещё такое?!

Голос грянул за спиной так внезапно, что мальчик вздрогнул всем телом. Табачница слетела со стола и раскрылась, рассыпав табак. Локтем он опрокинул чернильницу прямо на какую-то книгу и сам рухнул со стула.

Перед ним стоял дядя — разъярённый, багровый, готовый, казалось, взорваться изнутри. В тусклом свете свечи Амбулас впервые по-настоящему разглядел его лицо: жуткие шрамы, пустая глазница, перекошенная щека. Зрелище было ужасающим.

— Что он тут делает?! Заберите ребёнка! Матрина! — Леон орал во всё горло, рычал как раненый медведь. Его голос показался мальчику громче грома в самую страшную бурю.

Сбежались все: няня, гувернантка, повариха. Амбуласа поспешно унесли. Всю ночь его не могли уложить, он ни за что не желал смыкать глаз.

После той ночи ребёнок начал замыкаться в себе. Редко улыбался, больше не смеялся. Совсем перестал плакать, не проявлял ни ласки, ни нежности. Можно сказать, он сделался

совершенно безэмоциональным. Забросил игры, утратил интерес к учёбе, больше никого не просил почитать ему вслух. Перестал общаться. Он стал сам по себе.

К одиннадцати годам уже заметно было, что растёт сильная и незаурядная личность. Он сам прокладывал себе пути, сам формировал себя активной физической и мыслительной работой. Рос натурой независимой и самостоятельной, и уже тогда нетрудно было догадаться, что в будущем никакие авторитеты не смогут его сломить.

К четырнадцати годам Амбулас начал отрицать искусство, считая его пустой тратой времени. Не любил романтику, не любил стихи — хотя когда-то, в детстве, сам пытался их сочинять. Он воспитал в себе сдержанную манеру речи, научился держать себя в обществе, но самого общества при этом старательно избегал. Сам нанял для себя мастера по фехтованию, а спустя год занятий продолжил тренироваться уже самостоятельно. Любил природу, часто уходил в одиночные походы. Поначалу это заставляло гувернантку сильно волноваться, но со временем она смирилась с этим. Няня уволилась: ребёнок вырос и больше в ней не нуждался. Повариха подхватила лихорадку и скончалась. Вместо неё наняли немую и страшную на вид старуху.

Когда Амбулас окончательно перестал проявлять интерес к окружающим, им вдруг заинтересовался Леон. Он начал чаще выходить из кабинета, незаметно наблюдая за юношей из окна, пока тот упражнялся в фехтовании в саду или часами без усталости подтягивался на турнике, который сам же и смастерил. Леона поражала физическая сила художавого с виду парня и — ещё больше — та суровость, которую он, Леон, привык видеть только в себе самом.

Как-то раз, застав хозяина за этим молчаливым наблюдением, гувернантка тихо подошла к нему со спины и, решившись, произнесла:

— Нынешнее его поведение — всего лишь панцирь. В очень нежном возрасте душа вынуждена была создать его себе ради выживания. Дальнейшее развитие характера пошло лишь по пути укрепления этого панциря. Но сама личность под ним осталась по-детски беззащитной.

Она помолчала и добавила, вздохнув:

— Я скучаю по малышу-Амбуласу.

Леон ничего не ответил.

В один хмурый вечер, когда тучи особенно низко нависли над помещьем и в последний раз за этот сезон зашелестела листва под ногами, Леон впервые за многие годы вышел из кабинета раньше обычного. Он собственноручно разжёл камин в гостиной и сел в кресло напротив окна, глядя, как ветер разгоняет в воздухе первые снежинки. Хозяин ждал. Ждал, когда с очередной прогулки вернётся племянник. И при всём его каменном образе в душе у Леона бушевала буря. Ему предстоял первый разговор с Амбуласом за все пятнадцать лет. Он несколько раз порывался встать и уйти, уже готов был отказаться от этой затеи, но всякий раз садился обратно. Он сам себе удивлялся, до чего же сильно в нём волнение, — и не мог позволить себе струсить.

Заскрипела входная дверь. В гостиную вошёл Амбулас — мокрый, мрачный, с потемневшим от ветра лицом. Он даже не сразу заметил, что в кресле кто-то сидит, настолько это было непривычно. Поэтому, когда дядя с ним поздоровался, юноша вздрогнул.

— С возвращением.

Амбулас остолбенел. По телу пробежали мурашки, зрачки расширились. Он нахмурился и набычился, точно загнанный в угол зверь. В горле мгновенно вырос горький ком.

— Присядь, — спокойно сказал Леон и указал на соседнее кресло, тем самым развеяв последние сомнения в реальности происходящего.

Амбулас, помедлив, сел.

— Люблю такую погоду, — негромко заговорил Леон, глядя в окно. — Серая, холодная, живая. Красота. Есть не хочешь? А я бы выпил чаю. В такую погоду для полного уюта только горячей кружки и не хватает.

Амбулас молчал, переваривая абсурдность ситуации. Леон это заметил и понимающе кивнул.

— Ты сильно похож на отца. Те же скулы, те же глаза. Мы в детстве часто играли вместе, я и Парренс. Жили в одном доме, маленьком таком. А потом его семья уехала, и мы больше не виделись. Нет, вру. — Он усмехнулся одними губами. — Виделись. На его свадьбе. Мать твоя была красивой женщиной. Я её совсем не знал. Отсидел церемонию и ушёл.

Он повернул голову и посмотрел на Амбуласа. Тот неотрывно глядел в огонь.

— Ты ведь знаешь, что твои родители не вернутся?

— Я догадался, — мгновенно ответил парень. Голос его неуверенно дрогнул, но он упрямо пытался это скрыть.

— Ты очень богат. Я вложил твои деньги на хранение с прибылью. Теперь ты богат дважды. Впрочем, это было излишне: тех денег и так хватило бы тебе на три безбедные жизни. — Леон помолчал. — И это поместье тоже достанется тебе. Мне больше некому его отдать. Я тоже сирота. Родителей убили. Грабили дом — и убили. Я жил у тётки. Она странная женщина, но относилась ко мне хорошо. К ней вечно приходили какие-то люди, она им чем-то помогала. Меня это никогда не интересовало. Я ушёл от неё, когда был в твоём возрасте. — Он снова усмехнулся. — Снова вру: в семнадцать. И прихватил её деньги. Нет, она не бедная, на старость ей хватит.

Леон перевёл дух и заговорил тише, медленнее:

— Ты поживёшь у меня ещё три года. До совершеннолетия. Только так ты получишь свои деньги и сможешь пойти и благополучно их тратить. Тебе даже работать не придётся. У тебя есть увлечения?

— Я начал читать учебники по медицине, — ответил Амбулас. — Мне показалось это довольно увлекательным.

— А я бы не смог лечить людей. Ненавижу их. И думал, честно говоря, что ты тоже их не любишь. А ты вон какой...

— Это просто интерес, — холодно бросил парень. — Не более. Вы сами сказали: денег хватит прожить и без работы.

— Да, хватит. И работать не надо.

Наступило долгое молчание. Леон погрузился в себя, и Амбулас из вежливости не решался уйти. Только когда дядя начал смежать веки, чуть заметно покачивая головой, юноша тихо поднялся. Леон тут же встрепенулся.

— Ты куда?

— В комнату. Хочу подняться.

Леон вскочил с кресла — неожиданно резво для своей грузной фигуры — и схватил Амбуласа за шиворот огромными руками. Приподнял. Парень замер, не пытаясь вырваться.

— Ты славный человек, племянник. — Голос Леона зазвучал глухо, с присвистом. — Не потратить жизнь зря. Делай, что захочешь. Хочешь тратить — трать. Хочешь лекарем работать — работай. Но ничего не страшись. Будь смелым. Не позволяй страху повелевать умом. Ты понял меня?

В единственном глазу Леона зажглась искра безумия, а в голосе прорвалась нота отчаяния. Он встряхнул юношу.

— Понял? Ты меня понял?!

— Понял! — закричал Амбулас. — Отпустите!

Но дядя продолжал трясти его, снова и снова повторяя: «Понял? Ты понял?»

На крик прибежала гувернантка. Амбулас вырвался, отшатнулся и бросился вверх по лестнице. Леон остался стоять посреди гостиной, тяжело дыша.

Он опустился обратно в кресло. Качал головой из стороны в сторону, потом закрыл лицо ладонями и замер. Вдруг затих и громко, судорожно выдохнул. По старым, изувеченным щекам потекли слёзы.

Наутро хозяина поместья нашли повешенным в собственном кабинете. Врачи вынесли заключение: передозировка курительными смесями, повлёкшая нервный срыв, на фоне которого больной покончил с собой. На вопрос, употреблял ли покойный какие-либо вещества, все обитатели поместья лишь пожимали плечами.

Леона Интенегри похоронили в саду, под старым колким деревом. Вскоре после похорон поместье было продано, и все вырученные деньги Амбулас, не раздумывая, отдал гувернантке. Не забыл и немую старуху-повариху: ей тоже досталась доля.

Молодой человек собирал вещи с тоской на сердце. Как ни крути, это место было его домом. Он здесь вырос, и покидать его оказалось невыносимо трудно. На память о дяде Амбулас взял с собой лишь запачканный чернилами журнал со стихами. Из письменного стола забрал банковские бумаги и завешание — и впервые увидел почерк отца.

К вечеру, когда сгустились сумерки, в дверь постучали. Юноша отворил. На пороге стояла старуха — сгорбленная, седая, с приветливой улыбкой на морщинистом лице. Тётя Леона Интенегри. Бабушка Амбуласа.

Глава 4. Новое

Пробуждение выдалось тяжёлым — куда тяжелее, чем он ожидал. Тело словно налилось свинцом; каждая конечность затекла до полного бесчувствия, и для того, чтобы пошевелить хотя бы пальцем, приходилось прикладывать неимоверные усилия — такие, будто он заново учился управлять собственными мышцами. Амбулас попытался застонать — или ему только показалось, что попытался: он не услышал ни звука. Так бывает, когда в пустом кинотеатре, в полной темноте, запускают киноплёнку с выключенным звуком: мерцает экран, движутся картинки, но ухо не в силах уловить ни малейшего шороха. Мир существовал где-то снаружи, отдельно от него.

В первые секунды он вообще не мог понять, где находится и что произошло. Сознание было вязким, как болотная жижа; мысли путались, рассыпались, не желали складываться в единую картину. Но память услужливо, с жестокой точностью подбросила кошмарные обрывки: кровавое небо, затянутое огненными тучами; злобные карлики с длинными руками, уродливая женщина-паук, перебирающая мохнатыми лапами, рушащаяся башня, ослепительная вспышка — белая, всепоглощающая...

Вместе с памятью начал возвращаться слух. Первым пробилось тихое, монотонное бормотание — кто-то бубнил в противоположном конце комнаты, неразборчиво, но настойчиво. Мгновение спустя к бормотанию добавилось едва уловимое поскрипывание пера по бумаге — тонкое, как мышьяная возня.

Амбулас открыл глаза. Изображение плыло, затянутое мутной пеленой, голова кружилась так, будто его только что сбросили с карусели. Он зажмурился, переждал приступ дурноты — глубокий вдох, медленный выдох, — и снова осторожно приподнял веки. На этот раз пелена немного рассеялась, уступив место смутным очертаниям.

Он лежал по пояс обнажённый на кровати в просторной комнате, заставленной ещё несколькими такими же кроватями — пустыми, аккуратно застеленными. В дальнем углу, за маленьким столом, освещённым одинокой масляной лампой, восседал знакомый упитанный мужчина и, уткнувшись в журнал, сосредоточенно скрипел пером. Губернатор. Тот самый. На лбу его блестели капельки пота, он то и дело утирал их рукавом и продолжал писать.

Амбулас набрал в грудь побольше воздуха — каждое движение отдавалось болью в рёбрах — и начал осторожно приподниматься. Кровать под ним жалобно скрипнула. Урбэм услышал шорох, поднял голову и, едва не опрокинув чернильницу, вскочил со стула. Стул с грохотом опрокинулся.

— Господин Интенегри! — Он в три шага пересёк комнату и склонился над кроватью, обдав Амбуласа запахом пота и чернил. — Очнулись! Слава Богам, слава Богам! Я уж начал волноваться. Местный лекарь сказал — обморок, ничего страшного, дескать, бывает. Но я-то боялся, что вы подхватили эту проклятую хворь... Ой, да что ж это я! Давайте помогу, давайте!

Он заботливо, хотя и несколько неуклюже, поддержал Амбуласа, помогая тому устойчиво сесть, и подложил под спину подушку — взбил её, примял, снова взбил.

— Вы пролежали без сознания часа два, прямо там, возле девушки, — затараторил он, не в силах остановиться. — Я боялся вас трогать — ну, знаете, вдруг наврежу, вдруг у вас там какой-то процесс идёт. Мы сидели тихо в сторонке, как мыши, и вдруг она как закричит! Родители кинулись к ней, обняли, плакали от счастья. Она жива, господин Интенегри! Жива! Лицо порозовело, щёки — прямо как яблочки. Ещё слаба, конечно, но в сознании, и взгляд уже осмысленный. И всё благодаря вам! — Губернатор аж прихлопнул в ладоши и тут же осёкся, бросив взгляд на бледное, осунувшееся лицо собеседника. — Но вы не просыпались, и мы перенесли вас к лекарю. Вы проспали ещё два часа. Ах да! — Он метнулся к столу, подхватил

журнал и торжествующе потряс им в воздухе. — Я всё записал! Каждое слово, каждое действие! Даже то, как свечи мерцали — и то записал!

Амбулас сидел согнувшись, прижав ладони к лицу. В висках пульсировала тупая, распирающая боль, перетекавшая в глазницы. Казалось, ещё немного — и глаза лопнут. Надо было бы полежать ещё — час, а лучше два, а лучше до завтра, — но он просто не мог себе этого позволить.

— Где моя одежда? — Голос прозвучал глухо, хрипло, будто с чужого голоса. — Нам нужно идти. Кто следующий?

Он попытался встать. Ноги не держали — подкосились, как у новорождённого жеребёнка, пришлось опереться о стену. Холодная штукатурка немного отрезвляла.

— Что вы, что вы, господин Интенегри, вам нельзя! — Урбэм всплеснул руками. — Я должен позвать лекаря, пусть осмотрит вас, пусть послушает...

Он попытался усадить гостя обратно, но Амбулас резко, почти грубо отмахнулся — и сам удивился тому, сколько сил потребовалось на этот простой жест.

— Чем бы оно ни было — оно сильно и опасно. Вы видели девушку. Следующий больной может не дожидаться. Каждая минута бездействия осложнит мне дальнейшую работу. Нужно спешить!

— Стойте! — Губернатор в отчаянии загородил собой дверь. — Вы хотя бы можете объяснить, что происходит с моими людьми? Что это за напасть? Вы приехали и сразу заявили: «Медлить нельзя». До вас никто — ни один врач, ни один учёный муж! — понятия не имел, чем больны мои жители. Но вы не врач, я смею предположить. Простите за дерзость, но я должен знать. Эти ваши штучки у постели девушки — свечи, кинжал, кровь, заклинания... ни один учебник по медицине такого не описывает! Я своими глазами видел, как вы пили кровь, господин Интенегри! И я попросту не пушу вас к другим больным, пока не услышу, что именно произошло два часа назад!

Амбулас раздражённо вздохнул и прикрыл глаза. С Губернатором проще было согласиться, чем спорить. На спор ушли бы те самые минуты, которых и так не хватало.

— Хорошо. — Он провёл ладонью по лицу, стирая остатки сна. — Я расскажу по пути к следующему пациенту. Идёт?

Урбэм, всё ещё недоверчиво поджав губы, кивнул.

Спустя несколько минут, кое-как приведя себя в порядок и накинув пальто прямо на голое тело, они вышли из дома лекаря — ничем не примечательного здания, ничуть не отличавшегося от прочих серых коробок. Дождь наконец стих, мостовая блестела в тусклом свете фонарей. Губернатор повёл Амбуласа к следующему дому, но шаг нарочно замедлил — так, что даже хромой обогнал бы. Молодой человек понял намёк и заговорил. Слова давались с трудом, но он заставлял себя произносить их чётко:

— Этот обряд я называю «Совершение». С его помощью я очищаю разум и душу от... — он на мгновение замялся, подбирая слово, и остановился посреди улицы, — от захватчиков. Точного определения у них нет, как нет и ясного объяснения, почему это происходит. Я лечил людей и раньше, но они жили в совершенно разных местах и никогда не собирались в таком количестве в одном городе. А то, с чем я столкнулся сегодня... — Он сжал зубы. — Оно сильнее всего, что я видел прежде. Захватчики почувствовали меня. Они строят миры в разуме жертвы на основе её собственных кошмаров, питаются болью и страхом. Они способны прочно, надолго осесть в душе, как паразиты. Но убивать носителя им невыгодно — это разрушит их убежище. Заражённые не должны спать беспробудно и тем более умирать. А здесь... — Он сжал кулаки. — Здесь они настолько сильны, что убивают. Я был потрясён: захватчики готовы уничтожить собственный мир, когда уже обречены. Они должны были просто уйти! Но они принялись убивать жертву. Жадность? Безумие? Не знаю. Если бы я не вытащил девушку, я бы

ещё мог спастись, а она — нет. И сейчас я откровенно опасаясь вступать в следующий контакт. Поэтому нужно действовать быстро — чтобы не оставалось времени на панику. Понимаете?

Он покосился на Губернатора. Урбэм слушал с недоуменным, почти испуганным лицом — с тем самым выражением, какое бывает, когда умом понимаешь, что всё это чистая небылица, но сердцем уже осознаёшь: небылица воплотилась в явь. Он открыл рот, закрыл, снова открыл.

— Даже если это так... — Губернатор облизнул пересохшие губы. — Мне ничего не остаётся, как верить. Просто верить вам на слово. Но почему мой народ? Почему в таком количестве?

— А это мне ещё предстоит выяснить. — Амбулас посмотрел ему прямо в глаза. — И я надеюсь, что вы поможете мне в этом. Уверен, что вы знаете нечто большее, чем говорите. Не так ли, господин Урбэм?

Губернатор отвёл взгляд.

— Хотелось бы верить, что смогу вам оказать содействие, — пробурчал он неуверенно и тут же, явно желая сменить тему, указал вперёд: — Мы пришли. Вот этот дом.

Здание почти не отличалось от соседних — разве что на втором этаже зияло разбитое окно, кое-как заткнутое грязной тряпкой, и ветер трепал её края. Внутри обстановка тоже оказалась знакомой: низкий холл, несколько дверей, запах сырости и дешёвого табака. Только людей на этот раз было больше. Три женщины в тёмных платках сидели рядом на скамье у стены, при виде вошедших они привстали. Совершенно лысый старик с густой длинной бородой, утонувший в кресле у камина, даже не пошевелился — лишь медленно, с видимым усилием оторвал взгляд от газеты и перевёл его на вошедших.

— Ведите к больному, — хрипнул Урбэм, и голос его прозвучал почти по-командирски.

Все три дамы, перешёптываясь, проводили их наверх, в комнату номер шесть. Дверь отворилась, и на одной из шести кроватей обнаружился мужчина, укрытый одеялом по грудь. Амбулас бегло осмотрел его: серая кожа, расширенные зрачки — чёрные лужицы на бледном лице, — кровоподтёки на предплечьях, учащённое сердцебиение, температура ниже нормы. Всё те же знакомые симптомы. Урбэм, не забывая записывать, молча кивал и скрипел пером.

Снова сдвинули кровати — с тем же скрежетом, с теми же усилиями, — скинули матрасы. Женщин выставили за дверь. Одна из них попыталась возразить, но Урбэм так на неё зыркнул, что она мигом заткнулась. Амбулас расставил свечи — у изголовья и у локтей, — заставил Губернатора наполнить кубок водой из колодца, надел медальон-оберег. Металл привычно охлаждал кожу. Достал кинжал, кольнул кончик пальца мужчины — ни единой реакции, — выдавил в воду пять капель крови. Капли расплывались в кубке алыми облачками, медленно оседая на дно. Поджёг фитили — свечи горели ровно, не мигая, несмотря на сквозняк, — взял больного за руку и зашептал:

— Эл номе ган го ретте. Эл номе ган го ретте. Эл номе ган го ретте повус...

По окончании молитвы поднёс кубок к губам, задержал дыхание и осушил его несколькими глубокими глотками. Металлический привкус, горечь трав, холод. Через мгновение глаза его закатились, тело обмякло, и он повалился на бок — туда, где уже расступалась тьма, готовая принять его в свои объятия.

Многие считают, будто неперенными спутниками ужаса являются боль, тьма, смерть и разнообразная нечисть. Но сейчас Амбулас столкнулся с иным страхом — безмолвным, всепроникающим, парализующим.

Холод.

Умереть от переохлаждения — не самая мучительная смерть, если задуматься. После долгого пребывания на морозе человека неумолимо тянет в сон — верный признак, что смерть уже дышит ему в затылок. От холода ему вдруг может стать неожиданно тепло; он расслабляется и засыпает прямо на ходу. Заснул — всё. Организм перестаёт бороться: кровь медленнее

расходится по жилам, тепла выделяется всё меньше, и постепенно, шаг за шагом, тело замедляется, пока не остановится вовсе.

Огромный кусок льда. Именно здесь, среди бескрайней снежной пустыни, очутилась душа Амбуласа. Позади темнела опушка мёртвого, заметённого леса; впереди, насколько хватало глаз, простиралась белая целина, и где-то у самого горизонта вздымалась высокая гора, почти расколота надвое. Из трещины в ней исходило мерное голубоватое свечение — пульсирующее, точно сердце. Без всяких подсказок было ясно, куда следует держать путь.

— Кар-р! — раздалось над самой головой.

Знакомый ворон, сверкнув на лету чёрным оперением, пронёсся мимо и стремительно направился к горе.

— Даже не остановился поздороваться! — крикнул Амбулас ему вслед, но губы уже едва слушались.

Он глубоко вдохнул ледяной воздух — и тут же ощутил, как мороз пробирается под одежду. Побежали мурашки, мышцы напряглись; тело начало сковывать. Амбулас поспешно щёлкнул пальцами. Вспыхнуло синее сияние, и через миг он уже стоял в своей привычной кожаной броне; левую руку обвила чёрная цепь с крюком, за спиной возник длинный меч. Воин попрыгал на месте, поправил медальон, спрятал его под тунику — и побежал.

Путь предстоял неблизкий. Поначалу бежать было даже легче: движение согревало, а враг пока не давал о себе знать. Гора медленно, но верно приближалась. Вокруг царили мёртвая тишина и пугающее спокойствие.

Но через несколько минут всё изменилось. Взыл ледяной ветер — не постепенно, а сразу, резко, будто невидимая рука распахнула гигантскую дверь. Колючие микроскопические снежинки забарабанили по лицу. Первыми замёрзли щёки, нос и уши; следом онемели кончики пальцев. Кожу начало жечь, будто к ней приложили раскалённый металл. Бежать становилось всё труднее: каждая нога при ударе о землю отдавалась тупой болью, в груди разгорался пожар, дыхание перехватывало.

Амбулас остановился.

«Как же холодно!» — пронеслось в голове. Он принялся яростно растирать лицо ладонями, но кожаные перчатки почти не помогали. — «Этого не может быть! Почему всё так плохо?»

Он давно уже усвоил: обряд «Совершение» сродни проникновению в чужой сон. Чтобы почувствовать физическую боль во сне, нужно физическое воздействие на тело в реальном мире — боль ощущается при повреждении свободных нервных окончаний. Но его тело сейчас лежало в безопасности, в доме, под присмотром Губернатора, и никакой сквозняк не мог быть таким ледяным. Эмоциональной болью этого тоже не объяснишь.

Он сделал ещё несколько шагов и снова замер. Жжение на коже понемногу отступало, но мышечная дрожь не утихала, а, напротив, усиливалась. Голова налилась болью, ноги слабели. Амбулас стиснул зубы и принялся размахивать руками, прыгать, приседать — что угодно, лишь бы согреться. Помогало слабо.

Он знал: захватчики способны воздействовать не только на разум жертвы, но и на разум спасителя. Через мозг они могли заставить испытывать боль — но только на проекционном уровне. Если тебя ранили внутри захваченного сознания, наяву этой раны не будет. Все эти открытия он сделал задолго до приезда в Лучезарный. Но здесь, в этом городе, он столкнулся с чем-то новым. Впервые после обряда он ощущал себя настолько паршиво: все синяки и ссадины, полученные при освобождении девушки, он почувствовал на себе после пробуждения. Не такие серьёзные, как в том кошмаре, но всё же — их быть не должно было вовсе. А сейчас он столкнулся с сильнейшим сопротивлением, какое только встречал.

Ветер не стихал. Снежинки хлестали по лицу, глаза слезились. Вдруг резко закружилась голова, тело сковало. Амбулас со злостью и бессилием выкрикнул что-то невнятное, отвернулся от ветра и рухнул на колени.

Мысли путались. Стоит покинуть сознание — и ужас закончится. Но тогда путь назад будет закрыт навсегда. Единственная попытка. Он знал это и не мог отступить.

Когда спаситель проникает в заражённый разум, для захватчиков это всегда полная неожиданность. Они будут защищаться, сопротивляться, но вынудить спасителя уйти очень трудно. В юности, по неопытности, Амбулас однажды испугался вражеского натиска и бежал. Войти обратно уже не сумел: враг заколотил брешь намертво. Тот больной выжил — тогдашние захватчики не убивали носителей, — но спустя несколько лет Амбулас прочёл в газете, что несчастный начал кидаться на людей, а после того как откусил пол-уха одному чиновнику, его упекли в психушку.

Пути назад не было.

Он попытался ползти. Лёг на живот и двинулся вперёд, вжимаясь в снег, преодолевая сопротивление тела. Сил не хватило. Он уткнулся лицом в холодную, колючую землю. Веки налились тяжестью; в глазах начали мелькать обрывки образов — тёплая комната, камин, кружка горячего чая... Амбулас тряхнул головой, отгоняя наваждение. Не спать. Ни в коем случае не спать.

Вдруг — тепло.

Мягкие, бархатные потоки воздуха окутали тело. По коже побежали мурашки, пальцы рук и ног начали мгновенно оттаивать; сердце застучало часто-часто. Ветер стих, и в воздухе запахло сыростью.

Амбулас поднял голову. Его окружал густой, молочно-белый туман. Он с трудом поднялся на ноги и осмотрелся. С одной стороны, это было намного лучше ледяного ветра. С другой — он понятия не имел, в какой стороне теперь гора.

И тут за спиной раздался вой. Глубокий, гортанный, звериный. Через мгновение — такой же справа, потом слева. Его окружали.

Амбулас осторожно, стараясь ступать как можно тише, двинулся в противоположную от своих следов сторону. Шорохи доносились отовсюду, но он продолжал идти. На всякий случай вытащил меч; сталь покинула ножны с предательским лязгом. И сразу всё стихло.

Воин замер. Тишина давила на уши.

За спиной хрустнуло.

Он развернулся. Из тумана, медленно, вкрадчиво, выходил волк — если это чудовище можно было назвать волком. Огромная пасть, из которой на снег падали капли кровавой пены. Массивная туша, чёрная шерсть, вдоль позвоночника — стальные иглы, сверкающие даже в тусклом рассеянном свете. Зверь остановился и уставился прямо в глаза человеку. Взгляд чернее бездны.

Амбулас заставил себя не двигаться. Волки — преследующие хищники: они принимают за добычу всё, что убегает, и стараются свалить жертву на бегу. Если не двигаться, они могут не напасть.

Из тумана выступил второй. Звери разошлись в стороны, беря человека в полукольцо — так, чтобы один из них всегда оказывался у него за спиной. Амбулас начал размахивать мечом — в сторону одного, в сторону другого. Волки зарычали, сделали несколько ложных рывков, но сталь заставляла их отступать.

Долго это продолжаться не могло.

Нападения со спины он избежать не сумел. Успел подставить меч, но зверь оказался сильнее и всей массой обрушился на человека, опрокидывая его на спину. Челюсти сомкнулись на правом предплечье. Многослойная кожа брони смялась, как бумага; клыки вспороли плоть, и

Амбулас мгновенно перестал чувствовать руку. Дикая боль пронзила левую ногу — вступился второй хищник. Хруст, влажное чавканье.

Уцелевшей левой рукой Амбулас принялся отбиваться, раз за разом целя в нос ближайшему зверю. Тот заскулил, но челюстей не разжал. Воин кричал, отталкивался ногами — бесполезно.

— Кар-р! Кар-р! — раздалось сверху.

Чёрная молния обрушилась с неба. Ворон спикировал на первого волка, вцепился когтями ему в загривок и буквально взмыл вместе с ним в воздух. Зверь жалобно залаял, задёргал лапами; птица подняла его всё выше и вдруг, сложив крылья, бросила добычу вниз и тут же кинулась следом — добивать.

Амбулас не терял ни секунды. Размахнулся мечом и рассёк морду второму волку; брызнула кровь. Воин вскочил, преодолевая боль в ноге, и добил зверя одним точным выпадом. Рядом, в тумане, ворон уже заклёвывал свою жертву.

— Приятель! Ты как никогда кстати! — выдохнул Амбулас, поклонившись птице. — Спасибо.

— Кар-р, — самодовольно отозвался ворон и неодобрительно покосился на его окровавленную руку.

— Терпеть можно. Надо поскорее заканчивать, а то мало ли какие ещё сюрпризы. Повезло, что врагов было немного. Загрызли бы...

И тут же в голове возник вопрос: «А почему так мало? Может, основная засада ждёт у горы?» Но тратить время на догадки он не стал. Нужно было просто добраться до этой треклятой горы.

— Поможешь выбраться? Туман всё заволок.

Ворон понимающе кивнул — Амбулас впервые заметил у спутника такой отчётливо человеческий жест. Птица тяжело захлопала крыльями, поднялась вверх и вскоре скрылась в молочной завесе. Спустя минуту в небе раздалось гулкое карканье. Человек двинулся на звук.

Под ногами захрустели первые камни. Туман начал редеть, и наконец показалась тропа, змеёй уходящая вверх, к разлому в горе. Рядом, на замшелом валуне, сидел сторбившийся ворон. Амбулас подошёл и осторожно протянул руку, чтобы погладить верного помощника по голове, но птица возмущённо каркнула, взмыла в небо и растворилась в облаках. Трогать себя она не позволяла.

Подъём в гору оказался на удивление лёгким — обыкновенная прогулка. Ни врагов, ни ветра, ни холода. Но чем выше он поднимался, тем сильнее дрожала земля под ногами.

Спокойствие кончилось, едва он достиг цели. В разломе горы открылся неглубокий кратер, и в этом кратере кипел бой.

На одной стороне — захватчики: трое волкоподобных тварей и не меньше дюжины низкорослых гоблинов — большеголовых, носатых, ушастых, вооружённых палками, копьями и цепями. Мерзкие, писклявые, неуклюжие создания с маленькими злобными глазками.

На другой стороне бился серебристый, клубящийся туман, в котором угадывался силуэт огромного зверя — отдалённо напоминавшего медведя, только раза в два крупнее. Глаза его горели ярким белым светом. Призрачный исполин грозно ревел и отбивался от многочисленных врагов. Волки ловко уворачивались от его когтистых лап, а гоблины разлетались в стороны, как тряпичные куклы, — но численность их не убывала: с вершин кратера скатывались всё новые и новые орды карликов. Медведь держал всех на дистанции, и всё же гоблинам удалось пару раз ранить его: в широкую серебристую спину вонзилось несколько заострённых копий.

Амбулас притаился за камнем, оценивая обстановку. Если с врагами всё было ясно, то призрачный медведь оставался загадкой. Союзник? Или ещё один хищник?

Ответ не заставил себя ждать. Небольшая группа гоблинов отделилась от основной массы и попыталась обойти медведя со спины. Тот мгновенно заметил манёвр, бросился наперерез

и двумя взмахами массивной лапы смёл отряд в пропасть. И тут Амбулас увидел то, что зверь прикрывал собой всё это время: на ледяной глыбе, почти горизонтально, было распято изувеченное человеческое тело.

Медведь защищал душу жертвы.

Союзник.

Стоило зверю на мгновение отвлечься, отбросив очередную волну гоблинов, как двое волков кинулись к распятому. Амбулас выскочил из укрытия. Крюк просвистел в воздухе и пронзил обоих хищников разом; рывок — и туши отлетели в сторону, заливая снег чёрной кровью. Воин вступил в бой.

В него тут же полетели камни, копья, палки. Амбулас уклонялся, некоторые снаряды разрубал мечом в воздухе. Третий волк бросился на него в прыжке; воин ушёл перекатом влево и нанёс рубленый удар вдоль всего позвоночника зверя. Волк рухнул замертво.

Медведь, заметив подмогу, перешёл в наступление. Он врезался в гущу гоблинов, топтал, рвал надвое, отбрасывал когтистыми лапами; карлики с визгом разлетались, но их место тут же занимали новые. Амбулас не отставал, добывая тех, кто в панике разбежался от призрачного исполина. Минута — и весь кратер был завален трупами.

Но с вершин уже затрубили рога. Гоблины полезли со всех сторон, их было втрое больше прежнего. Часть бросилась на Амбуласа и медведя, а несколько групп, сгибаясь под тяжестью топоров и молотов, полезли на скалы и принялись откалывать зубчатые осколки, нависавшие над кратером.

Амбулас мгновенно понял их затею: они решили обрушить скалы на защитников. Он оставил медведя на передовой, а сам кинулся к распятой жертве. Руки и ноги несчастного были намертво вморожены в глыбу; воин, действуя как можно аккуратнее, принялся высвобождать их мечом.

Сверху посыпались первые камни. Один грохнулся в паре шагов от Амбуласа, осыпав его ледяной крошкой.

Могучий туманный медведь стоял стеной. Гоблины летели в разные стороны, но их ярость только росла; они карабкались по туше, пытались вонзить копыта в призрачную плоть, закидывали камнями. Обороняясь, зверь успевал везде — но раны его множилось.

Амбулас наконец высвободил пленника и принялся трясти его за плечи, приводя в чувство. Мужчина не реагировал.

Гоблинов становилось всё больше. Медведь не сдавал позиций, но серебристая проекция уже была вся в рваных дырах и кровоточащих ранах, а каменный град сверху не ослабевал. И вот — один из осколков, здоровенный остроконечный обломок скалы, с грохотом обрушился сверху и насквозь пронзил призрачную тушу. Медведь взревел так, что дрогнули камни под ногами, и тут же растаял в воздухе, оставив после себя лишь облачко серебристой пыли.

И в тот же миг, словно по неведомому закону, пленник открыл глаза.

Амбулас, не веря своей удаче, вскинул голову. Гоблины уже неслись к нему, топоча и визжа. Воин схватил мужчину за плечо и заорал, перекрывая шум:

— Дай мне руку! Живо!

Жертва, ещё ничего не понимая, слабо шевельнула пальцами. Гоблины приближались; ещё секунда — и будет поздно. Амбулас перехватил ладонь мужчины, сжал её до хруста.

Вспышка.

Ослепительная, белая, выжигающая всё — страх, холод, боль.

Глава 5. Откровения. Часть 1

Раннее утро. Солнце ещё не взошло. Город окутал густой, молочный туман; по крышам барабанили редкие капли дождя. Поднялся ветер, зашумели листья — привычная хмурая гармония Лучезарного.

И вдруг эту гармонию разорвал женский крик. Пронзительный, полный такого неподдельного горя, что, казалось, сам воздух вздрогнул и замер.

Амбулас открыл глаза. В голову ударила резкая, пульсирующая боль; перед глазами всё заискрилось, поплыло. Он зажмурился и несколько секунд просто лежал неподвижно, ожидая, пока мир перестанет вращаться. Очутился он в той же палате у лекаря, на той же кровати. В комнате никого не было. Тишина, лишь где-то в углу гудел сквозняк.

Он сел, поморщился, стащил с себя остатки одежды и осмотрел повреждения. Правая рука от плеча до локтя оказалась туго перебинтована; на левой ноге расплзались багрово-синие синяки. Последствия последнего обряда давали о себе знать, но на этот раз он не удивился. Он уже привык.

В душе теплилась тихая радость: половина дела сделана, двое спасены. Но ноша на плечах от этого легче не стала — впереди ещё больные. Едва он подумал об этом, как по телу пробежали мурашки, и он резко сменил поток мыслей, заставляя себя думать о чём-то другом. О чём угодно.

В коридоре слышались торопливые шаги. Дверь отворилась, и вошёл Губернатор. В одной руке он держал неизменный журнал, в другой — платок, которым тут же принялся утирать пот со лба. Увидев, что Амбулас сидит, Урбэм просиял, радостно развёл руками и беззвучно, одними губами, выдохнул что-то вроде «Слава Богам».

— Это уже утро или ещё вечер? — хрипло спросил Амбулас, не тратя времени на приветствия. Голос звучал глухо, будто из бочки.

— Семь утра нового дня, господин Интенегри! — Губернатор говорил оживлённо, даже слишком. — Через час придёт повозка с продуктами. Вы проспали всю ночь. — Он выпрямился и, предвосхищая следующий вопрос, зачастил: — И сразу отвечу, чтобы вы не волновались: спасённый вами мужчина уже на ногах. Представляете? Ходит, ест, даже улыбается. Весь процесс его исцеления занесён в журнал. Я лично проследил. Всё записано, слово в слово!

— Хорошо. — Амбулас потёр виски. — Надо идти к следующим. Я только оденусь.

Урбэм вытер лоб в который раз, приблизился к кровати и осторожно, почти благоговейно указал на замотанную руку:

— Признаюсь, я сильно испугался, когда на вашей руке появились раны. Прямо вот кровь пошла — настоящая! Я тут же приказал позвать лекаря, и мы вас аккуратно перевязали. У вас поднималась температура, вы бледнели, краснели, что-то бормотали во сне... Ну и ужасов я нагляделся за прошедший день!

Он громко, нервно захохотал, едва не выронив журнал. Амбулас покосился на него с плохо скрытым раздражением.

— Не вижу ничего смешного. Надо собираться, а не устраивать тут веселуху.

— Вы, наверное, голодны, господин Интенегри? — ничуть не смутившись, затараторил Губернатор. Вдохновение несло его, как ветер несёт сухой лист. — Мой повар на завтрак готовит такую кашу — пальчики оближешь! А если в неё добавить мёду — я заказываю у знакомых, что живут вон за теми горами, их даже видно отсюда, потом посмотрите, — и закусывать это всё хлебом с маслом...

— Урбэм! — резко оборвал его Амбулас, натягивая пальто. — Вы меня вообще слышите? Ведите к следующим больным.

— ...А на обед будет похлёбка. Самые свежие овощи: картошечка, капуста...

— Урбэм!

Молодой человек повысил голос так, что Губернатор осёкся на полуслове. Повисла короткая, напряжённая пауза. Урбэм медленно спрятал платок во внутренний карман, выпрямился — насколько позволяла его комплекция — и заговорил. Теперь в голосе его звучало что-то новое: не обида, но достоинство.

— Ночью умер один старичок. Это случилось незадолго до того, как мы принесли вас сюда. Его уже оплакали и похоронили. Не успели помочь — ну что ж теперь? Он и так повидал многое. Может, от старости раньше бы загнулся. — Он перевёл дух и добавил с лёгкой укоризной: — И не стоит повышать на меня голос, господин Интенегри. Я позвал вас помогать, а не раздавать приказы. Думаю, любому гостю польстило бы, что его так тепло принимает сам Губернатор — пусть даже такого маленького города. Все нервничают. Я нервничаю. Но я же не кричу на вас. Так нельзя, ведь правда?

Амбулас выдохнул. Кулаки, сжатые до побелевших костяшек, медленно разжались.

— Просто помочь им могу сейчас только я, — сказал он уже спокойнее. — Время на исходе, а вы мне зубы заговариваете. Мне сейчас не до похлёбок, не до хлеба с маслом. Вы понимаете это? Есть ведь ещё один больной? Четверо их было — вы так говорили.

— А не надо уже никому помогать, — тихо ответил Урбэм.

— Почему?

Ответом послужил звук с улицы: что-то застучало за окном — деревянные колёса по кирпичной дороге, мерный, тяжёлый стук. Для повозки с продуктами было слишком рано. Амбулас подскочил к окну и замер.

Впереди шёл сутулый мужичок и тянул за собой небольшую телегу. А на телеге лежало тело. Тело мёртвого мальчика. Ему от силы было лет десять-одиннадцать. За телегой, спотыкаясь и падая, поспешала женщина, она рыдала, временами срываясь на истошный крик. Мать. Она на ходу целовала голые стопы сына, прижимала его холодные руки к своим мокрым щекам, запинаясь о подол рваного платья, падала в грязь, поднималась и снова бросалась к телеге, чтобы ещё раз дотронуться до ребёнка. Горю в этой картине не было предела. Нет на свете страшнее боли, чем пережить собственное дитя.

У Амбуласа задрожала губа. Он ведь был уверен — до самого конца уверен, — что тот крик, который разбудил его, был отголоском кошмаров, а не явью. Оказывается, это случилось на самом деле.

— Это четвёртый больной? — спросил он. Голос дрогнул.

— Господин Интенегри, вы бы всё равно не успели...

— Это четвёртый больной?! — заорал Амбулас, разворачиваясь к Губернатору.

— Да. Это он, — тихо, почти шёпотом ответил Урбэм.

Парень медленно, страшно побледнев, посмотрел ему прямо в глаза. Взгляд его сделался таким, что Губернатор невольно отступил на шаг.

— Когда вы хотели повести меня к ребёнку? После того мужчины? После старика?

— Амбулас, давайте успокоимся...

— Вы повели меня к взрослому мужику, а не к этому мальчику! — Он шагнул вперёд, сжимая кулаки. — К мужику! Ко взрослому, здоровому мужику, который мог бы и подождать! А ребёнок умирал! Вы это понимаете?!

— Амбулас, прошу вас...

Он схватил Губернатора за ворот пиджака и рванул вверх. Пухлый человечек едва не повис в воздухе, втянув голову в плечи, задрав подбородок к потолку. Он не смел поднять глаз и лишь что-то невнятно лепетал в оправдание.

— Почему вы в первую очередь не повели меня к ребёнку?! Почему?!

Амбулас кричал во всю мочь, руки его тряслись, слова перебивало тяжёлым, яростным дыханием. Не дожидаясь ответа, он отшвырнул Урбэма на кровать — тот отлетел, как тряпичная кукла, — а сам снова подошёл к окну и схватился за голову.

— Амбулас, умоляю, выслушайте... — дрожащим голосом залепетал Губернатор с кровати. — У нас обычаи в городе... так заведено... Мы начинаем отсчёт от правого ряда от моего дома. Я следовал этой системе. У нас очередь по такому принципу, я не мог иначе, и...

— Это был больной ребёнок! — гаркнул Амбулас так, что Урбэм вскрикнул от страха и вжался в матрас. — Ему нужно было помочь в первую очередь!

— Не вините меня, прошу! Ну система у нас такая, поймите... Я не хотел зла! Я только хотел, чтобы всё было по порядку!

— «Система», — процедил Амбулас. Губы его скривились в презрительной усмешке. — Засуньте вашу «систему» знаете куда?

Он резко развернулся, подхватил свои вещи, поднял оброненный Губернатором журнал и направился к двери.

— Я уезжаю. Надеюсь, больше вас не увижу. Прощайте.

Дверь грохнула так, что задрожали стены. С потолка посыпалась побелка.

Злость поглотила его целиком. Хотелось крушить, рвать на части; она вытеснила все остальные чувства, затопила разум и сердце. Амбулас почти не соображал, что делает. Поэтому он сразу и не осознал, что едва не угробил человека.

На эмоциях он буквально вышиб ногой входную дверь. Та слетела с петель с оглушительным треском — и за ней, по ту сторону, стояла девушка. Молодая, белокурая, худенькая. Удар пришёлся ей по правой кисти. Она вскрикнула — скорее от неожиданности, чем от боли, — и прижала руку к груди.

Амбулас ошарашенно замер. Увидел её лицо — бледное, с большими серыми глазами, — опустил взгляд на ушибленную руку, понял, что ничего серьёзного, и, коротко бросив «Простите», быстрым шагом пошёл прочь.

Элиан чувствовала себя на удивление хорошо. Она уже давно не спала; её разбудил то ли крик, то ли скрип досок — она так и не поняла. Спать больше не хотелось, хоть до рассвета и оставался примерно час. Пришлось просто лежать в кровати и думать о своём.

Странно было осознавать, что ещё день назад она неподвижно лежала на этом же месте, а её разум пребывал в кошмаре, который она принимала за явь. В этом кошмаре было всё: адский жар, тяжёлый, пропитанный тухлым запахом воздух, боль от оков, мерзкие твари. Проснуться она не могла, и от этого ужас становился только сильнее. Элиан не помнила, как попала в заточение и как давно, что происходит и почему именно с ней. Её душила липкая чёрная паутина; она висела над огнём, а огня-то она и боялась больше всего.

Силы покинули её быстро: сначала закружилась голова, потом зазвенело в ушах, помутнело в глазах — а затем она потеряла сознание. А после — ощутила вдруг лёгкость, услышала человеческий голос и увидела пыльное мужское лицо на фоне пламени. Протянула ему руку — и очнулась в объятиях родителей.

Вокруг было много шума и суматохи: рыдающая мать, врач, Губернатор, который зачем-то кричал на её отца, чтобы тот помог унести незнакомого молодого мужчину. Тот лежал на полу без сознания. Всё происходящее перед глазами было смазанным и непонятным. Вскоре Элиан снова заснула.

Сейчас же она окончательно взбодрилась и уже не могла лежать без дела. Когда внизу что-то забренчало, она обрадовалась. В доме, помимо её семьи, жили три женщины, которые вечно спали до обеда, так что на кухне могла быть только мама. Элиан, не стесняясь, спустилась вниз в одной ночной рубашке.

— Девочка моя! — Миссис Темингол бросила посуду и заключила дочь в объятия, да так крепко, что у той рёбра хрустнули. — Доченька! Не могу поверить! Как хорошо, что с тобой всё в порядке. Как ты себя чувствуешь? Голова не кружится? Есть хочешь?

— Очень хорошо, мамочка. Даже голова не болит! Честное слово! — Элиан засмеялась и прижалась к ней крепко-крепко. Так они стояли ещё долго, а потом сели за пустой стол, держась за руки.

— Какая же ты красавица у меня, — прошептала мать, глядя её по волосам. — Худенькая только. Ничего, откормим.

— Мам, мне было так страшно... — Элиан прослезилась и положила голову ей на колени.

— Конечно, страшно, милая. Столько дней пролежала в мучениях. Упаси Господь каждого от такого. — Она нежно гладила девушку по голове. — Не плачь, Элиан. Уже всё закончилось. Ты дома, ты в безопасности.

— Я ведь могла умереть, как другие больные? Да?

— Не будем об этом. Забудь. Ты спасена, а остальное неважно. — Мать строго сдвинула брови, но голос её оставался тёплым.

Минут пять они сидели молча. Мать тихо напевала песенку и не переставала поглаживать дочь, отчего Элиан становилось легче. Потом девушка поднялась, уселась поудобнее и спросила:

— Как мне помогли? Лекарство? Врач?

— Если бы всё было так просто... — Миссис Темингол вздохнула и поправила платок. — Приехал молодой парень, на врача совсем не похож. В чёрном длинном пальто, важный такой, смотрит на всех свысока. Его Урбэм встретил. Повозка с продуктами аж к полудню пришла, народ возмущался — есть-то всем хочется! А всё потому, что их две прибыло, и в одной — этот парнишка. Через четверть часа он уже был у нас с Урбэмом. Я и понять ничего не успела: тебя понесли в пустую комнату, начались расспросы — сколько лет, когда заболела, что ела накануне. Я побежала за отцом — он у отца Тито был, помнишь такого? Приходим обратно: ты на полу, голая, вокруг свечи горят, а рядом с тобой на коленях тот парень с кинжалом в руках, и сам спит! Честное слово, спит! Урбэм в журнале что-то чиркает, велел лекаря звать. Я перепугалась насмерть, заслала отца твоего помогать, а сама у порога стояла, молилась. Очень долго ждали. А потом ты как закричишь! Тебя вырвало водой, и я к тебе бросилась. А парень так и не проснулся — лежал на полу, как мёртвый. Ты потом тоже сознание потеряла. Тебя уложили, посидели с тобой. Цвет лица вернулся — я так обрадовалась, чуть сама не упала! Забежала к Урбэму, спрашиваю про тебя, а он мне: «Не знаю. Пусть спит». Я к нему: «А парень?» А он: «Не знаю. Он спит. Сейчас к нему пойду». И только через час или два вижу: они вдвоём уже к другому дому идут. Представляешь? Он даже в себя толком не пришёл, а его уже тащат к следующему больному! Я так пожалела его тогда. Такой молодой, а уже такая ноша на плечах. А сегодня узнала, что Алетта спасли вечером. Ты его, наверное, не знаешь — он дома всё время сидит, на площадь редко выходит. А вот дядя Авус умер ночью.

— Ах... Жалко. Он был славный старик.

— Это ещё не всё. — Миссис Темингол понизила голос. — Сейчас прибежала Эре, что рядом живёт. Сынишка её умер.

— Парвус?! — Элиан вскинула голову. Глаза её расширились.

— Да, милая. — Мать прижала ладонь к губам. — Одиннадцать годиков всего было. Не успели помочь.

Элиан и её мать заплакали, сидя за пустым столом и держась за руки.

— Страшно-то как, — прошептала девушка сквозь слёзы. — Что за напасть нас одолела? Почему именно мы?

Она хорошо знала Парвуса. Они часто вместе ходили к повозке за продуктами — он всегда держал её за руку, чтобы не потеряться в толпе. Играли в прятки между домами; по

вечерам мальчик прибегал к ней в гости, они забирались с ногами на кровать и читали книги вслух. Элиан любила его, как младшего брата, и весть о его смерти стала для неё ударом под дых.

Прошло несколько минут, прежде чем обе успокоились. Их внимание привлёк звук приближающейся повозки — тяжёлый, скорбный стук колёс.

— Гробовщик приехал, — сказала мать, выглянув в окно. — Нынче у него столько работы... За что нам горе такое? Надо поддержать бедняжку Мэйзи. Пойдёшь со мной?

— Нет. — Элиан замотала головой. — Я не смогу на это смотреть.

— Посиди тогда тут. Верно, не стоит тебе наблюдать за чужим горем, ты и так едва оправилась. Но я всё же схожу. Нельзя оставлять Мэйзи одну в такой час.

Мать поцеловала Элиан в щёку и вышла, плотно притворив за собой дверь. Девушка встала и подошла к окну, выходявшему на центральную площадь.

Гробовщик остановился у самого входа в соседский дом и крепко держал телегу. В неё постелили белое покрывало, а затем двое мужчин вынесли тело мальчика и аккуратно погрузили его. Провожать Парвуса вышли четверо: Мэйзи — мать мальчика, мама Элиан и те двое мужчин — отец и дядя. Все поочерёдно поцеловали ребёнка в лоб, и гробовщик покатиł телегу на кладбище. Стоило телеге отъехать на пару метров, как Мэйзи бросилась следом и закричала так, что у Элиан похолодело в груди. Она отвернулась и смахнула слезу.

Вскоре вернулась заплаканная мать. Молча прошла на кухню, налила себе воды из кувшина, выпила залпом и тяжело опустилась за стол.

— Сходи к лекарю, — сказала она, немного отдышавшись. — Навести господина Интенегри. Амбулас Интенегри — так его зовут. И позови на ужин.

— На ужин?

— Да. Урбэм сегодня сказал, что Парвус был последним больным. Последним — ты понимаешь? Надеюсь, Господи, пусть это будет так, — что больше их и не появится. Работы для господина Интенегри здесь уже нет, а вот отблагодарить стоит. У кого несчастье, а у нас чудо. Он же спас тебя, Элиан. Сбегай к нему. Стол соберём здесь. Пусть приходит.

— Хорошо, мама. Я схожу.

— Амбулас Интенегри. Запомни имя.

— Уже запомнила.

— И понастойчивее будь. Не отпускай его просто так. А я пока прилягу — ноги уже не держат.

Туман начал рассеиваться, дождь перестал моросить, но ветер не стихал. Элиан натянула сапоги, прямо поверх ночной рубашки накинула старое материнское пальто и набросила капюшон. Только по пути к дому лекаря она осознала, что ей предстоит лицом к лицу столкнуться со своим спасителем — человеком, который, по словам мамы, был почти её ровесником. Её охватило смущение. Юная особа всегда была стеснительной, и с представителями противоположного пола ей раньше общаться не приходилось. Уже у порога она вспомнила про свой внешний вид: не причесалась, не умылась. Одним словом, не привела себя в порядок.

«Ну и пусть, — подумала она, одёргивая себя. — Не на бал иду».

Только она потянулась к ручке двери, как за ней послышались быстрые шаги, а затем — оглушительный грохот. Дверь слетела с петель, едва не задев её. Элиан отдёргнула руку, но тяжёлая створка всё-таки ударила по пальцам. Острая боль пронзила кисть; она прижала ушибленную руку к груди и подняла глаза на незнакомца.

— Простите, — громко и весьма нахально бросил он и, не останавливаясь, зашагал к выезду из города.

Элиан и не ждала бы большего от местных — те не славилась ни вежливостью, ни хорошими манерами. Но этот не был местным. Длинное пальто с посеребрёнными пуговицами, развевающееся на ветру, тёмные брюки, чёрные туфли, кожаные перчатки, чемодан в руке. Сомнений не оставалось.

— Господин Интенегри! — крикнула она.

Парень даже не обернулся. Она побежала за ним, скользя сапогами по мокрой брусчатке, догнала уже почти у самых ворот и, не думая, бесстрашно схватила за руку:

— Амбулас!

Он резко развернулся. Большие синие глаза метнули молнии, лицо было искажено яростью, скулы побелели. Амбулас грубо вырвал руку, на языке уже вертелись резкие, злые слова — но вдруг он осёкся. Взгляд его скользнул по хрупкой фигуре, задержался на испуганном, но возмущённом лице. Скулы медленно расслабились, брови перестали хмуриться, искры гнева в глазах потухли. До него дошло, что перед ним стоит беззащитное существо, на которое нельзя вымещать зло.

Элиан смотрела на него кошачьим прищуром, губы и щёки надулись. Она, как ему показалось, даже привстала на цыпочки, чтобы казаться выше — девушка была на голову ниже его, и это обстоятельство её явно злило.

— Вы чего?! — выпалила она. — Я за вами бегать должна? Вы мне чуть пальцы не сломали!

— А с какой стати я вам понадобился? — холодно ответил он, хотя тон уже сбавил.

— Вы ведь Амбулас Интенегри? Только не говорите, что я ошиблась.

— Ударение на второй слог. ИнтЕнегри. И да, это я. Что дальше?

— Значит, это вы. — Элиан перевела дух. — Даже не знаю, стоит ли вас приглашать на ужин после того, как вы со мной разговариваете.

— На какой ужин? — он нахмурился. — Впрочем, мне не до этого. Я уезжаю из этого проклятого города.

— Уезжаете? — Элиан опешила, голос её сделался тише. — А разве вы не должны ещё остаться? Тут же люди гибнут!

— Бестолку тут оставаться. Я сделал что мог.

— Как же так? Вы спасаете жизни! Вы мою жизнь спасли! И ещё двоих — мама рассказывала.

— Хотелось бы в это верить. Люди продолжают умирать. — Амбулас невольно взглянул туда, где за домами скрылась повозка гробовщика. Девушка тоже обернулась посмотреть. Оба замолчали.

— Вы тоже расстроены? Из-за Парвуса? — тихо спросила Элиан.

— Это всё ваш Губернатор! — взорвался он. — Как он мог? Почему не повёл меня сразу к ребёнку? Этот мальчик должен был выжить! Всегда и везде в первую очередь спасают детей — это же очевидно! А тут... — Он сжал кулаки. — Гнилой город с гнилыми людьми.

Элиан промолчала. В этих словах была доля правды, и спорить с этим не имело смысла. Живи она в культурном, современном городе и окажись здесь — её мнение было бы тем же самым. Люди в Лучезарном заплесневели вместе с самим городом, а над всем этим стоял чудак-коватый Губернатор со своими традициями, порядками и системами.

— Прошу прощения за подобные выражения, — добавил Амбулас, заметив, как она поникла. — Вы здесь ни при чём. Я просто... зол.

— Вы сегодня отсюда не уедете, — сказала Элиан, пропустив его извинения мимо ушей.

— Что, простите?

— Чтобы уехать отсюда, нужно заказать пассажирскую повозку через извозчика, который привозит продукты. Он добирается до Лучезарного полдня, то есть выезжает в полночь, чтобы к восьми утра быть здесь. Потом он возвращается на станцию — тоже полдня. Нужно ему сообщить, чтобы вас забрали; тогда на следующий день приедет вторая повозка. Значит, уехать можно только завтра. Таков порядок.

— А в повозке с продуктами свободных мест нет?

— Нет, конечно. Там же продукты! Вы когда-нибудь видели повозку с продуктами? Там всё забито мешками и корзинами.

— Прекрасно! — с сарказмом воскликнул Амбулас, всплеснув руками. — Просто прекрасно! И что мне теперь делать? Где мне ночевать?

— Ну, допустим, мы можем разойтись по домам. Вы дождётесь извозчика, закажете повозку, а вечером встретимся на ужине, — задумчиво, слово за словом, вытягивала Элиан, загибая пальцы.

— Что за ужин? Куда «по домам»? Туда к лекарю я возвращаться не хочу — тем более, когда там этот жирный... — Он поморщился. — Куда меня вообще занесло? Дыра дырой. Когда приедет извозчик?

— Через полчаса, может, больше. Подождите здесь, раз не хотите к лекарю возвращаться. А ужин... Вас моя мама приглашает, потому что... И давайте, с вашего позволения, начнём разговор с чистого листа? Помогу скоротать время.

— Зачем это?

— Затем, что мы с вами успели повздорить. Вы на меня накричали, я на вас... почти накричала. Разве так проходит первое знакомство?

— Я считаю, что первая встреча всегда проходит на эмоциях, и негативные не исключение. — Он пожал плечами. — В дальнейшем будет смешнее вспоминать. Но раз вы так желаете...

Он выпрямился и нарочито поправил воротник, приняв подчёркнуто официальный вид.

— Меня зовут Амбулас Интенегри, и я застрял в этом «чудном» городе.

— Элиан Темингол, житель этого «чудного» города. — Она не менее наигранно поклонилась и улыбнулась. — Очень приятно.

— Откуда вы к нам прибыли, Амбулас?

— Из Оклонда.

— Из столицы? — Она присвистнула. — Путь неблизкий. И чем вы занимаетесь? Спасаете людей?

— Я их исцеляю. Это другое.

— Вам это нравится?

— Я это должен делать. Нравится — не нравится, неважно.

— И много денег вы за это получаете?

— Я не беру ни копейки.

— А на что же вы тогда живёте? — Она склонила голову набок.

— У меня очень богатая семья.

— Ах, они вас содержат? — усмехнулась она.

— Я живу на их наследство. — Его голос стал жёстче. — Они мертвы.

Улыбка сползла с лица Элиан.

— Ах... простите. — Она грустно опустила голову. — Я не хотела. Вышло неловко.

— Ничего. Вы не знали.

Вопросы и ответы летели стремительно, но ни в одном не было души, ни в одном — тёплой отдачи. Оба не были по-настоящему заинтересованы друг в друге; им просто хотелось скоротать время. Смущённая девушка смотрела в землю, ковыряя носком сапога трещину в брусчатке; Амбулас с каменным лицом вглядывался в пустоту. Неловкая пауза грозила затянуться на вечность, но молодой человек взял инициативу в свои руки.

— Вы с рождения живёте в Лучезарном, Элиан?

— Нет, что вы. — Она встряхнула головой, прогоняя неловкость. — Мне было шесть, когда семья сюда переехала. Мы жили в Ватергейте, у отца было своё дело, дом стоял недалеко от океана. Я помню запах соли и крики чаек.

— И что заставило вас перебраться сюда? Из такого места — и в эту глушь?

— Обстоятельства... — Элиан вздохнула. — Всё было замечательно, пока папино дело не покатилося ко дну. А потом и дом сгорел. Точнее, его подожгли — так папа говорит. Вместе с домом сгорели все вещи и сбережения. У нас не осталось ни денег, ни друзей, которые могли бы принять нас. Отец очень обрадовался, когда узнал, что в Лучезарном дают бесплатное жильё. Так мы здесь и оказались.

Она закончила и предложила пройти к скамейке в двух шагах. Амбулас согласился, и они сели — она с краешку, он чуть поодаль.

— Не скучаете по старому дому? — спросил он.

— Скучаем. Я и мама. А папе здесь нравится. — Она горько усмехнулась. — Когда мы приехали, то были поражены: небо затянуто тучами, кругом колючий лес, грязь, люди отчуждённые, странные обычаи. Особенно обычаи. Тут никто не работает, представляете? Совсем никто! На чём держится город — никому не известно. Папе жить на содержании сразу понравилось. А нам пришлось привыкать.

— Твой отец доволен этим, потому что потерял веру в себя. Дело превратилось в прах, а сил на восстановление не хватило. Он быстро смирился.

— Мама считает так же. — Элиан кивнула. — Либо он просто не хочет ничего предпринимать. Этот город плохо повлиял на него. Лучезарный повлиял на всех нас. Вы были правы, когда сказали, что люди тут гнивают. Так и есть.

— Но тебе нельзя здесь гнить! — возмутился Амбулас. — Ты молодая. У тебя должны быть мечты, стремления. Ты должна хотеть чего-то большего.

— Здесь умирают мечты, Амбулас. — Элиан грустно улыбнулась. — Я помню океанский бриз на коже и вечернее небо над Ватергейтом. Я часто встречала закат на пляже. Мне-маленькой всегда больше нравилось пасмурное небо, чем чистое. Два бескрайних голубых простора, разделённых горизонтом, казались не так красивы, как серое небо в крапинку. А теперь я скучаю по чистому небу — ведь живу среди серого. Здесь очень редко бывает, когда в небесах прорезаются бреши и сквозь них видны мягкие лучи лунного света. Ещё реже я вижу солнце. — Она подняла голову, посмотрела вверх, на бесконечные тучи. — Однажды отец прикатил весельную лодку, и мы вместе встречали закат на плаву. Моё воображение построило из этой лодки целый галеон; я представила себя путешественником — мне так захотелось ходить по морям и океанам, открывать новые земли, чувствовать песок других берегов в руках, смотреть, как он сыплется сквозь пальцы... Как жаль, что, повзрослев, я расхотела исследовать мир. Я стала бояться нового.

— Элиан, — медленно проговорил Амбулас, — порой, чтобы снова начать мечтать, нужно просто взойти на борт своего судна и уплыть в неизвестный мир. Сделать первый шаг. Что тебя задерживает?

Она промолчала. Повисла долгая, тягостная пауза. Амбулас вдруг вспомнил про дверь.

— Рука болит?

— Немножечко ноет. Ничего серьёзного. — Она машинально потёрла ушибленную кисть.

Он окинул её коротким взглядом и заметил, что под пальто на ней лишь тоненькая ночная рубашка.

— Ты же замёрзла! Губы посинели. А я тебя тут держу на холоде. Нехорошо вышло.

— Да что вы! Если бы замёрзла, давно бы ушла.

— Ты вся дрожишь!

Комментария не последовало. Позади послышался стук колёс: из-за поворота показалась знакомая повозка — извозчик с продуктами прибыл ровно по расписанию.

— Извозчик приехал, — сказала Элиан, поднимаясь со скамейки. — Идите скорее к нему, попросите о карете на завтра, а то он быстро отъедет. Он не любит ждать.

— Хорошо. — Амбулас тоже встал.

— Так вы придёте на ужин?

— На какой ужин? — в который раз спросил он, и в его голосе прозвучала почти комичная обречённость.

— Моя мама приглашает. Вы спасли мою жизнь своим обрядом. Неужели непонятно?

— Спас? Обрядом? — Он вдруг замер и уставился на неё. — Так это вы та девушка?! Из первого кошмара? С паутиной и башней?

— Ну да, — смутилась она. — А вы что, не поняли?

— А я даже не знал! — Он хлопнул себя по лбу. — Тогда не было времени разглядывать — вы были без сознания, потом я сам отключился. Так вот в честь чего меня на ужин зовут! А я-то думаю — с чего такая честь. Конечно, я приду. Обязательно.

Элиан улыбнулась, показала на свой дом и быстро зашагала обратно, кутаясь в пальто. Амбулас посмотрел ей вслед, потом перевёл взгляд на приближающуюся повозку. На душе было паршиво, но где-то глубоко, под слоем гнева и усталости, теплилось смутное предвкушение. Вечер обещал быть интересным.

Глава 6. Откровения. Часть 2

Заказ извозчику был передан, и Амбулас вернулся в опустевшую палату лекаря. До ужина оставалось ещё долго, а желудок уже напоминал о себе: за всё время в Лучезарном он не проглотил ни крошки. Невольно вспомнилось предложение Губернатора о завтраке — и вместе с ним снова проснулась злость. Он отогнал эти мысли.

Лучший способ скоротать время — сон. Но прежде чем провалиться в дрему, он поймал себя на том, что думает об Элиан. Как ни крути, их первая встреча оставила в нём что-то тёплое. Он всегда считал себя закрытым, холодным, почти чёрствым человеком. Проявлять интерес к незнакомцам, поддерживать разговор — это было не в его духе. Отчасти он сам избегал лишних контактов.

«Чужая среди своих, своя среди чужих» — так он мысленно охарактеризовал Элиан. То ли на фоне остальных жителей, то ли сама по себе, но она показалась ему привлекательной — с духовной точки зрения. Объяснить этого он не мог. Сначала он совсем не был в ней заинтересован, потом просто следовал привычкам, но всё же поддался и проявил искренний интерес. В конце концов он решил, что просто соскучился по нормальным людям без странностей, а она и была такой. Не больше. Хотя от предстоящего ужина он больше всего ждал встречи с ней. С этой мыслью он и заснул.

Проспал до самых сумерек. Световой день в Лучезарном оказался коротким. Амбулас попросил у лекаря таз с водой, умылся, привёл себя в порядок и взглянул на часы. Стрелки перевалили за полдень — время к ужину.

В темноте город казался ещё мрачнее. Чёрное небо, улицы, погружённые во мрак, поскрипывание досок, вой ветра. Любой нормальный человек предпочёл бы остаться дома или вооружиться фонарём поярче. Амбулас без лишней суматохи шагнул навстречу тьме.

Так же уверенно он вступил на порог дома Теминголов. За столом уже сидели три дамы бальзаковского возраста, одна полнее другой. Их наряды показались ему вызывающими: яркие цвета подолов, широкое декольте, обилие украшений. Для завершения образа не хватало только едкого парфюма и высоких причёсок. По их виду сразу читалось: они чувствуют себя важными персонами на этом вечере, пытаются строить из себя знатных девиц, но получается из рук вон плохо.

У печи хлопотала ещё одна женщина — в простом сером сарафане, пожелтевшем фартуке и платке. Миссис Темингол. Увидев гостя, она просияла:

— Господин Интенегри! Как я рада, что вы пришли! — Она торопливо вытерла руки о фартук и пододвинула стул. — Присаживайтесь, ужин скоро будет готов. Я сегодня с рыбой провозилась — упрямая попалась, костлявая, еле разделала. Но ничего, выйдет вкусно.

— Нет, благодарю. Я постою. — Амбулас чуть склонил голову. — Негоже сидеть, когда хозяйка ещё хлопочет.

Три дамы возмущённо переглянулись и гордо вскинули носы. Одна из них — та, что пошире в плечах, — демонстративно фыркнула и поправила бусы. Амбулас сдержал усмешку.

— Не будете же вы просто стоять столбом, — сказала миссис Темингол. — Сейчас я позову дочь.

— Не стоит, право...

Но та уже крикнула, приложив ладонь ко рту:

— Элиан, доченька! Спустись вниз! Гость пришёл! — И тут же снова повернулась к Амбуласу, понизив голос: — Вы, наверное, голодны? Я с этой рыбой битый час провозилась. Столько ртов кормить, а на кухне только мы с дочерью. Помощи от этих — никакой.

Она мотнула головой в сторону трёх дам. Те переглянулись, поджали губы и с показным достоинством удалились наверх, шурша юбками. Миссис Темингол проводила их взглядом и вздохнула:

— Вы на них не смотрите. С этими лентяйками мы чуть ли не каждый день воюем. Ничего по дому не делают — пальцем о палец не ударят. Сегодня вон как нарядились, будто на бал собрались. Аж смешно. Может, пока чаю?

— Нет, я подожду всех. Не торопитесь.

— Амбулас, — раздался сверху мягкий, чуть взволнованный голос.

По лестнице, придерживая подол, спустилась Элиан. На этот раз она прихорошилась: длинные волосы собраны в аккуратный хвост, лицо чуть припудрено, в ушах — маленькие серьги. Под глазами ещё угадывались тёмные круги — следы недавней болезни, — но это делало её облик только трогательнее. Голубой сарафан сидел ладно, подчёркивая стройную фигуру, а на шее поблёскивал золотой кулон — кажется, единственная дорогая вещь во всём её скромном гардеробе.

— Элиан, — кивнул Амбулас.

— Пройдёте со мной наверх. Нечего вам тут одному стоять, пока остальные не подтянутся.

Они поднялись по скрипучей лестнице и вошли в комнату под номером два. Одна кровать, тумба, стол, большой шкаф — и великое множество рисунков на стенах. Амбулас с порога замер, разглядывая их.

— Это всё ты? — спросил он, обводя рукой стены.

— Да, — смутилась она. — Это моё... увлечение. Я после всего случившегося не захотела ночевать в старой комнате и сегодня перенесла вещи сюда. Отец помог вынести лишнюю кровать. Стены тут совсем голые были, смотреть тоскливо. Вот я и развесила свои старые рисунки. А этот... — она указала на картину напротив кровати: яркий красный фон, а в центре — белое солнце с двумя человеческими фигурами, — этот я сделала сегодня. Его я посвятила вам.

— Мне? — Амбулас подошёл ближе. — И что же тут изображено?

— Мы. Держимся за руки. А вокруг нас разгорается солнце, и его свет разгоняет адское пламя. — Она замялась. — Мрачновато, да?

— Мрачновато. И мне это нравится. — Он склонил голову набок. — А ты, оказывается, талантлива.

— Да бросьте, просто рисунки...

— Я серьёзно. — Он помолчал, всё ещё разглядывая картину. — У тебя глаз хороший. Композиция, цвет — всё на месте.

Элиан смущённо пожала плечами и, чтобы сменить тему, спросила:

— А у вас... у тебя есть какое-нибудь хобби?

— Хобби? — Он задумался. — В юности я увлекался фехтованием и медициной. Сейчас... сейчас в основном работа и поездки. Хотя, знаешь... — он вдруг усмехнулся, — когда-то я пытался писать стихи.

— Стихи?! — Элиан прыснула. — Серьёзно? Ты?

— А что? — Он даже слегка обиделся. — Что такого?

— Ну-у... ты весь такой серьёзный, колючий, как наш лес. Вечно хмуришься, говоришь отрывисто. А тут — стихи. Оказывается, ты чувственная натура.

— Да ладно тебе. — Он махнул рукой. — На самом деле получилось ужасно. Корявые рифмы, сбитый ритм. Но бабушке понравилось.

— Ты читал стихи своей бабушке? — Элиан теперь уже откровенно смеялась.

— Нет, — усмехнулся он. — Она сама их прочла. Нашла у меня в комнате. До сих пор не знаю, как.

— Подожди... — Она вытерла выступившие от смеха слёзы. — То есть она просто зашла, нашла твои стихи и прочитала? Без спроса?

— Ну да. А что я мог сделать? Она — Кана. Ей невозможно отказать. — Он пожал плечами, но в глазах мелькнуло что-то тёплое. — Сказала, что стихи прекрасные. Соврала, конечно. Но мне было приятно.

— Как ты скоротал день? — спросила она, отсмеявшись.

— Проспал всё время. Устал зверски.

— Проголодался?

— Чертовски. Я об ужине начал думать, не переставая, едва мы расстались у ворот. — Он бросил выразительный взгляд в сторону двери. — Там внизу, кажется, рыбу готовят?

— Да, мама постаралась. У нас не каждый день такой стол. — Элиан вдруг смутилась. — Слушай... мне неловко. Надо было и на обед тебя позвать. Ты целый день голодный проходил. Это не очень культурно с моей стороны.

— Глупости. Ты не обязана была и на ужин приглашать. — Он повернулся к ней. — И вообще, давай уже перейдём на «ты», а то я путаюсь. То «вы», то «ты» — голова кругом.

— На ужин тебя позвала мама. Хотя мне стоило бы самой догадаться. — Она опустила глаза, покраснела. — Это ведь ты меня спас. Понимаешь? Не кто-то там, не абстрактный лекарь, а ты. А я тебя в благодарность даже на обед не позвала.

— Элиан...

— Нет, правда. — Она шагнула к нему. — Спасибо тебе.

И, прежде чем он успел что-то ответить, обняла его — быстро, порывисто, уткнувшись лицом куда-то в плечо. Амбулас замер. Он стоял с опущенными руками и чувствовал себя полным идиотом. Сколько он себя помнил, с объятиями ему сталкиваться почти не приходилось — точнее, быть их соучастником. Всегда он относился к подобным жестам с пренебрежением, считая их излишними. Но сейчас это было почему-то приятно. Тихо, без лишних слов, он получил удовольствие от этих нескольких мгновений.

Элиан отстранилась и, всё ещё краснея, отвернулась к своим рисункам:

— Вот здесь ещё пейзажи. Это я давно рисовала, когда мы только переехали...

Она продолжила показывать свои работы, пока снизу не раздался голос миссис Темингол:

— За стол! Ужин готов!

Стол был накрыт на совесть: большое блюдо с запечённой рыбой, несколько тарелок с овощами, горшок варёного картофеля, кувшин с компотом. Отец Элиан — плотный мужчина с обветренным лицом — первым подошёл к Амбуласу и с чувством пожал ему руку.

— Рад познакомиться лично. Дик Темингол. Жена мне всё уши прожужжала про вас. Спасибо, что пришли.

— Спасибо, что пригласили.

— Да что там! — Миссис Темингол поднесла платок к глазам. — Вы же нашу девочку спасли. У меня слов нет...

— Ну, мам, перестань, — смутилась Элиан, усаживаясь за стол.

Расселись. Первые пять минут прошли в тишине, только бренчали приборы. Амбулас ел с аппетитом — давали о себе знать голодные дни. Но вскоре мистер Темингол, отложив вилку, начал расспросы.

— Откуда вы родом, господин Интенегри?

— Из Оклонда. — Амбулас с сожалением отложил вилку в сторону. Отвечать с набитым ртом было бы невежливо.

— О, столица! Долго добирались? Это ведь далеко.

— Довольно далеко. Но я прибыл из Бревиля, он в нескольких сотнях километров отсюда. Там гостил у знакомых.

— Слышал о таком. Часто путешествуете?

— Обстоятельства заставляют.

— И как вам наш городок? — Мистер Темингол прищурился. — Только честно.

— Честно? — Амбулас отпил компота. — Лучезарный — это ещё та дыра.

— Хм. — Дик откинулся на спинку стула. — Весьма грубо.

— Согласен. Возможно, если бы я пробыл здесь подольше, мнение изменилось бы. Но у меня не было времени рассматривать архитектуру. Я приехал работать.

— Вы, наверное, занятой человек. Много клиентов?

— Дик, — мягко одёрнула мужа миссис Темингол, — давай хотя бы за столом не будем о работе? Дай человеку поесть.

— На самом деле я не так часто занят, — всё же ответил Амбулас. — Больше времени уходит на дорогу. Часто ложные вызовы. А случаев, как у Элиан, — один-два на большой город, и то в лёгких формах. Я в основном специализируюсь в другой сфере.

— Почему же в Лучезарном столько жертв? — подала голос Элиан. — И что значит «в лёгких формах»? Это как-то связано с тем, что мы живём близко друг к другу?

— Нет. — Амбулас покачал головой. — Это не передаётся, как вирус. «Лёгкие формы» — значит, люди не погружаются в беспробудный сон и не умирают. Они... меняются. Характер, привычки. Но это уже другая тема. А у вас — совсем иное. С чем именно я столкнулся, мне ещё предстоит выяснить.

— То есть вы с таким раньше не сталкивались? — уточнила она.

— Сталкивался, но в лёгких формах. И я советую больше не расспрашивать меня об этом. Чтобы не наводить панику. Больных уже нет, и завтра я уезжаю.

— Пойдите-ка. — Мистер Темингол подался вперёд. — А каковы гарантии, что не появятся новые жертвы? Что моя дочь не заболеет снова?

— Гарантий я давать не смею. Но Элиан больше не заболеет — это точно.

— Вы уедете, а народ будет гибнуть! Может, вам стоит задержаться? Хотя бы на пару дней?

— Нет. У меня уже намечены дела.

— Но вы же только что сказали, что не так уж заняты! — Дик стукнул ладонью по столу.

— На данный момент работа есть. И с каких пор я должен перед вами отчитываться?

— Вы мне ничего не должны! — взвился он. — Но если заболеет жена — что прикажете делать? Снова вам писать? Ждать, пока вы соизволите приехать в нашу «дыру»? Вы обязаны тут ещё немного побыть!

— Оставьте пустые речи. — Амбулас говорил спокойно, но пальцы его сжались на ска-терти. — Я обязан только своим родителям, но никак не вам. Задерживаться здесь я даже не подумую.

— Но это же бесчеловечно! Весь город может погибнуть!

— Не факт, что появятся новые больные.

— Вероятность есть! И помочь можете только вы! Вас можно посчитать извергом, если вы сейчас уедете!

— Дик! Прекрати! — Миссис Темингол хлопнула ладонью по столу так, что подпрыгнули тарелки. — За столом! При госте!

Повисла тишина. Мистер Темингол, тяжело дыша, откинулся на стуле. Миссис Темингол прижала платок к губам. Элиан опустила глаза в тарелку. Амбулас молча взял вилку.

Спустя несколько минут Дик откашлялся.

— Прошу прощения за этот разговор. Больная тема. Она всех тревожит.

— Понимаю, — кивнул Амбулас. — Но нельзя, чтобы страх завладел умом. Мне так когда-то говорили. И тот человек знал, о чём говорил.

После этого ужин прошёл спокойно. Амбулас вдоволь наелся и под конец закрепил всё кружкой горячего малинового чая. Посидел ещё немного, ответил на пару простых вопросов, поблагодарил хозяйку и засобирался. Элиан поднялась следом:

— Я провожу.

— Не стоит. Погода плохая, а ты легко одета.

— Я накину пальто. — Она уже снимала его с вешалки. — И вообще, тут два шага. Ничего со мной не случится.

— Ну, как знаешь.

Они вышли в промозглую ночь и медленно зашагали к дому лекаря. Ветер выл меж пустых домов, тени метались по стенам.

— Тебя, наверное, разозлил мой отец? — нарушила молчание Элиан.

— Нет. Наоборот, я его понимаю. На город пало проклятье, много жертв — отсюда страх и вопросы. Это нормально. Мне и самому было страшно. Просто я старался об этом не думать и сразу переходил к делу. — Он помолчал. — Только не сочти меня чудовищем, но в душе я даже немного обрадовался, когда Урбэм сказал, что больных больше нет. Я монстр?

— Нет, Амбулас. — Она покачала головой. — Ты обыкновенный человек. Любой может поддаться страху. Любой.

— Но я почувствовал облегчение. Понимаешь? Облегчение! А когда осознаю, что при этом погиб ребёнок... — Он стиснул зубы. — Меня это бесит. Я злюсь на себя.

— Не вини себя. Ты не знал. — Голос её дрогнул. — Мне тоже очень жаль Парвуса. Он был чудесным мальчиком. Однажды мы с ним говорили о небе. Представляешь, он за всю жизнь всего несколько раз видел солнце — такое здесь бывает только в День Восхода. Белые облака, голубые небеса... А потом тучи возвращаются, и всё становится как прежде. И он сказал мне... — она сглотнула, — он сказал: «Когда солнца настоящего нет, ты мне заменяешь его. Ты — моё второе солнышко». — По щекам её покатились слёзы. — Амбулас, что за зло обрушилось на нас?

— Я часто слышал, — медленно проговорил он, — что зло никогда не осознаёт себя злом. Все ужасные вещи якобы делаются из лучших побуждений. Но в вашем случае это не так. Это зло — целенаправленное. Созданное для страданий. Кто-то или что-то навлекло его на вас.

— Почему ты испугался тогда, Амбулас? Чего?

— Я не хочу посвящать тебя в подробности. — Он отвёл взгляд. — Ваш город очищен, вы спасены. Любому злу приходит конец. Если проклятье вернётся, вам ещё можно будет помочь.

— Тогда почему ты уезжаешь? — Она остановилась и посмотрела на него в упор. — Почему не останешься хотя бы на несколько дней? Чтобы удостовериться, что всё кончилось?

— Элиан... — Он осёкся.

Они уже подошли к дому лекаря. Девушка вдруг всхлипнула и, шагнув к нему, прижалась лицом к его плечу. Амбулас замер. Только сейчас он до конца осознал, какая ноша легла на его плечи. Он единственный, кто смог помочь Лучезарному, кто хоть что-то понимал в происходящем. Поэтому к нему шли с одними и теми же вопросами, просили, требовали, умоляли. Люди боятся и тянутся к тому, кто может их защитить. Он ощутил ответственность — за будущее города, за его жителей, за будущее Элиан.

— Поехали завтра со мной, — сказал он вдруг.

Она подняла голову.

— Что?

— Поехали со мной в Оклонд. — Он говорил тихо, но твёрдо. — Я увезу тебя отсюда.

— Что за глупости, Амбулас? — Она отстранилась, глядя на него во все глаза.

— Ты сама сказала: люди здесь сгнивают. А ты молодая, талантливая. Тебе нельзя тут оставаться. В столице у тебя будет шанс. «Почувствовать песок других берегов» — разве не этого ты хотела?

— Я никуда не поеду. — Её голос прозвенел как пощёчина.

— Почему? Ты боишься? Боишься сделать шаг навстречу новой жизни! Готова закрыть глаза на всё, что тебя не устраивает! Тебя окутал страх? Страх — это всего лишь чувство. Его можно победить.

— Что за чушь ты несёшь?! — выкрикнула она, отступая. — Ты ничего не понимаешь! Я никуда с тобой не поеду! Езжай один в свой Оклонд!

Она развернулась и побежала прочь, в темноту.

— Я предлагаю тебе шанс снова обрести мечту, а ты убегаешь! — крикнул он ей вслед.
— Элиан!

Только стук её сапог по брусчатке — и тишина.

Амбулас остался стоять на пустой улице. Холодный ветер трепал полы пальто; он смот

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.